

СВЕРХНОВАЯ ФАНТАСТИКА

СОРНЫЕ ТРАВЫ

ДМИТРИЙ
ДЗЫГОВБРОДСКИЙ

НАТАЛЬЯ
ШНЕЙДЕР

Сверхновая фантастика

Дмитрий Дзыговбродский

Сорные травы

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Дѳ=Дѳѳ)6-44

Дзыговбродский Д.

Сорные травы / Д. Дзыговбродский — «Махров»,
2019 — (Сверхновая фантастика)

ISBN 978-5-6040913-2-6

Если погибнет пятая часть населения Земле, устоит ли человеческая цивилизация? А если погибнут все те, кто скреплял шаткую человеческую реальность своей ответственностью, праведностью, верностью, честью, мужеством? Если останутся только испуганные, озлобленные, запутавшиеся маленькие человечки? И не понять, что стало причиной массовых смертей, и последовавших за этим катастроф. Мария и Иван, семейная пара врачей, пытаются понять, почему им повезло выжить. И повезло ли...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Дѳ=Дѳѳ)6-44

ISBN 978-5-6040913-2-6

© Дзыговбродский Д., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Дмитрий Дзыговбродский,
Наталья Шнейдер
Сорные травы**

© Дзыговбродский Д., 2019

© ООО «Яуза-каталог», 2019

Глава 1

«Ненавижу баб», – раз в пятый за утро подумал я.

Мысль вертелась в голове и так, и эдак – но никак не могла добраться до речевого центра. Хватало ещё воспитания, вбитого отцом, чтобы понимать – все твои нелады и противоречия с мирозданием нужно держать под черепной коробкой. Там им и тише, и уютнее. Если уж решил ненавидеть кого-то, лучше начать с себя. Конструктивнее получится. Да и объект ненависти поближе будет.

Настроение было отвратительным – до тошноты, до желания разбить любое зеркало, попавшееся на глаза и отразившее моё мрачное лицо. Причин за пару лет набралось достаточно. Причины вообще имеют привычку скапливаться, как дерьмо в забившемся коллекторе. Но, наверное, самая значительная и наиболее свежая причина такого настроения – прошедшая ночь. Удивительная, шикарная, запоминающаяся ночь с очень красивой и страстной девушкой. Ночь, когда я на дежурстве, по версии для жены. Ночь, когда я единственный и любимый для девушки, в эту самую минуту легко управлявшей автомобилем, в пассажирском сидении которого утнезился не выспавшийся и злой на весь мир я.

Парадокс?

Как по мне – нет.

Был бы отец жив, точно бы спросил:

– Сынок, а может, ты пидор латентный? Раз женщин ненавидишь.

Отец всегда умел сбить с ног словесным ударом. Я так и не научился парировать его выпады – умер отец намного раньше, чем во мне скопилось достаточно жизненной мудрости и цинизма для противоборства с ним. Да и умер так, что меня до сих пор мучает чувство вины. Привет из могилы, чтобы сынок нос не задира. Так что внутренние диалоги с отцом для меня совсем не редкость. Привычка, скорее уж. Личный психотерапевт из загробного мира.

Может, меня так совесть пробирает? Так вроде не мальчик – давно должен был от этого рудимента избавиться. Современный мир совесть не жалует – добро пожаловать в очередь за динозаврами, моральные метания. В профессии хирурга лишние эмоции ценятся ещё меньше. А всё равно муторно на душе. И Машка вспоминается – знает о моих похождениях или нет? Скорее всего, да – умная баба всегда в таких вопросах из себя ДУРУ Для мужа строит. До поры до времени. А потом выставляет счёт – от и до.

Дорога стремительно уносилась за стёклами машины – весенние улицы радовали глаз тусклой от городской пыли листвой деревьев, не убраным с зимы подснежным мусором, разбитыми и перевернутыми мусорными баками и толпами пешеходов, которые делятся на уже моих пациентов и ещё нет. Время такое, мало кто избегает знакомства со скальпелем – болезни молодеют, патологии ширятся. Зато все без исключения пациенты – и мои бывшие, и мои будущие – к Машке попадут. Рано или поздно. «Дороги все до одной приводят сюда. В дом вечного сна...» – вовремя вспомнилась строчка песни «Крема».

Лена весело бибикнула замешкавшемуся на светофоре джипу – тот рванул прочь, уважительно взрёвывая двигателем перед маленькой и шустрой женской машинкой, – глянула иронично:

– Что закручинился, Иван-царевич? Аль беда какая стряслась?

И врать не хотелось, и правду не скажешь. Да что ж это такое сегодня со мной? С ясной и холодной ненавистью теперь уже исключительно к самому себе я оптимистично ответил:

– Домой не хочу, на работу не хочу, к тебе хочу. Укради, да?

Ленка звонко рассмеялась – у неё это всегда получалось настолько заразительно, что у меня даже против воли улучшалось настроение. Ещё когда мы вместе работали в больнице, я прибегал к ней после особо тяжёлой операции, чтобы просто поболтать и выпить кофе.

Хирургу страшнее всего не когда пальцы дрожат, а когда нервы звенят как струны. Но сегодня её улыбка не смогла, как обычно, вытащить меня из трясины самоедства и чисто русского сплина. Коллектор переполнен – как рванёт, прячьтесь все. Я стоять останусь. Мой коллектор – чего бояться?

– Джигит просит, чтобы его дама украла?

– Времена такие. Самого джигита держат сто и один аркан – не вырвешься, не выберешься, не убежишь.

– Тогда украду – сам напросился, – улыбнулась Лена и напела чуть слышно. – Спрячь за высоким забором Ивана, выкраду вместе с забором...

Девушка уверенно вывернула через узкие улочки на параллельно идущий проспект. Ещё два квартала – и больница, где я работаю. А ещё через три дома офис Лены – представительство очередной фармкомпаний. Я остался в больнице – всё же прикипел к отделению, которое ещё моего отца помнит. А вот Лена, как настали тяжёлые деньки для врачей, ушла. Платили в представительстве неплохо – Лена быстро обросла хорошей машиной, дорогой одеждой и, самое главное, уверенностью в себе. И раньше симпатичная девушка, она стала настоящей красавицей. Некоторым женщинам, чтобы стать ослепительными, нужно немного – уверенность в себе, чуточку денег и желанный мужчина рядом. По словам Ленки, третий ингредиент – это именно я. Негодный выбор, как по мне, но сил не хватает об этом сказать.

Я, на мгновение обо всём забыв, залюбовался ею. Полные губы – чуть намечается форма сердечка, но именно что чуть-чуть. Не дотягивая до глянцево-журнального эталона, губы кажутся намного естественнее и красивее. Большие серо-зелёные глаза с пушистыми, длинными от природы ресницами. И дополняющий всё это великолепии ироничный взгляд, как будто постоянно провоцирующий. На подвиги? На глупости? На откровенность? Длинные светлые волосы – от рождения светлые. Крашенные современные офисно-планктонные блондинки могут только позавидовать такой длине и такому цвету. Королева, которая уверена, что нашла своего короля. Жаль, король в этом не уверен. Да и какой я король – валет, не более. И даже не козырной.

И, смазывая впечатление, перед глазами встала Машка. Строгая причёска, тёмные густые волосы ухвачены в косу. Яркие карие глаза смотрят то ли насмешливо, то ли обвиняющее – мол, что ж ты, козёл, живую жену с любовницей сравниваешь. Даже губы, узковатые, но я помню, насколько нежные и теплые, чуть изогнуты полузаметной усмешкой. Маша, Машка, Маруська, не отпускаешь ты меня.

И в очередной раз за утро я про себя отметил: «Ненавижу баб».

Каким-то женским чутьём Ленка заметила мой взгляд. Обернулась и подмигнула:

– Что так изучаешь внимательно?

– Любуюсь. И не верю.

Лена чуть притопила педаль газа, и машина вырвалась вперёд из потока товаров за мгновение до красного света, прорвавшись на жёлтый сигнал светофора.

– А ты верь. Твоя я, твоя. А ты мой – и даже не дёргайся, не убежишь.

– И от бабушки ушёл, и от дедушки ушёл, – неловко пошутил я.

– А от такой симпатичной лисички, как я, не уйдёшь, – уверенно протянула девушка.

– Не уйду, – согласился я, хотя уверенности не ощущалось. Может, я всё же Машку люблю? А бегаю по бабам от дури и скуки? Иначе почему так муторно на душе?

– Что, сынок, прыщавого подростка в себе так и не перерос? – сказал бы отец.

И, наверное, оказался бы прав.

Лена заметила, как у меня во взгляде промелькнула тень, быстро наклонившись, чмокнула в щёку. Потом, глянув коротко на дорогу и не заметив в ближайшие метров двести каких-либо препятствий, посмотрела на меня серьёзно и сказала:

– Иван, я понимаю, что тебе тяжело всё менять. Просто знай, я тебя люблю. И всё будет хоро...

Время, звонко щёлкнув, как сломавшиеся часы, резко замедлило ход. Лена начала заваливаться на меня, я попытался её подхватить, но так и замер, не дотянувшись совсем чуть-чуть. Не мог отвести взгляд от её глаз – зрачки Лены мгновенно расплзлись тёмным пятном на всю радужку, утопив зелёный цвет в тёмной трясине. В этом было нечто настолько пугающее, что я всё никак не мог протянуть руку. Самое страшное, что взгляд её за секунду стал пустым и тёмным, как круг воды от упавшего камня в ряске пруда. Руки Лены безвольно соскользнули с рулевого колеса – машину резко начало заносить. Но не успел автомобиль развернуться перпендикулярно дороге, как удар сзади размазал меня по сиденью. Затылок основательно приложило о подголовник. Я ещё успел краем глаза заметить, что впереди наперерез к нам вылетает с перекрёстка синяя иномарка, как время снова набрало ход с триумфальным грохотом и треском – и от нового удара полетел головой вперёд в лобовое стекло.

Щёлк.

Боли не было. Показалось, что шея благополучно сложилась и ушла в плечи. Руки запоздало метнулись прикрыть голову, но только лишь не позволили лицом на излёте треснуться о торпеду. Зазвенело в ушах, и на мгновение от хлёсткого удара отнялись кисти рук.

Щёлк.

Где-то рядом звонко хлопнуло рассыпающееся стекло. Взревел сигнал грузовика. И вслед ему пронзительно рывкнула сирена «Скорой», но сразу замолкла. Тут же донёсся ещё один аккорд столкновения.

Щёлк.

Ещё один удар – но более мягкий, как будто что-то прикрыло. Тело по инерции бросило влево – больно приложился плечом о руль. Донёсся издали отчаянный крик женщины. Ещё несколько звучных ударов, но где-то совсем-совсем далеко.

И машина остановилась.

Я неуверенно вытянул руку, открыл дверь. Не верилось, что всё кончилось. Вот только что – всё?

Тело плохо слушалось, набитое по ощущениям ватой и по факту адреналином. Это только кажется, что с выплеском гормона ты превращаешься в терминатора. Скорее уж в Буратино, пока организм не поймёт, что со всем этим допингом делать. Потом уже будешь бегать живчиком, но первые секунды – это всегда ступор.

В ушах ощутимо звенело, и зрение немного туманилось. Выбравшись из машины, я, с трудом удерживаясь на ногах, опёрся о крышу автомобиля. Ещё немного мутным взглядом окинул окрестности – и мне открылась картина такой аварии, что голливудские режиссёры слюной бы захлебнулись от зависти. Русский масштаб и удаль.

За нами стояло штук семь разбитых машин – именно они и смягчили удар дальнобойной фуры. Последние в ряду автомобили исковеркало ударом так, что мне сразу стало понятно – выжившие там если и будут, то ненадолго. Из машин уже повылезали люди и ошалело метались между автомобилями. В сам грузовик крылом влетела «Скорая». Водитель уже обкладывал дальнобойщика трёхэтажным, а врач с медсестрой деловито выковыривали кого-то из ближайшей разбитой машины. Синяя иномарка, которая и подставилась под нас, развернулась практически на сто восемьдесят – из неё никто пока не появился. Стоило бы пойти поинтересоваться, выжил ли там кто, но я собирал силы, чтобы обойти машину и посмотреть, что с Леной. Тяжёлое предчувствие сжало ледяным хватом горло – вспомнились расширенные зрачки. Хреновый признак, ой хреновый. Мысленно обругав себя за слабость, я на подгибающихся ногах обошёл автомобиль и открыл дверь.

Лена с разбитым лицом лежала на руле. Открытые глаза смотрели в мою сторону слепо и бездумно. Уже по внешнему виду было ясно, что проверять незачем. Но всё же во мне сра-

ботали условные рефлексы врача. Я попытался прощупать пульс – ничего. Прикрыл её глаза ладонью и резко убрал руку – реакции на свет тоже нет.

С каким-то накатывающим ужасом – не хотелось верить, что она вот так просто умерла, – провёл ладонью по своему лбу и почувствовал маслянистую влагу. Глянул вниз – багряный след на руке.

И пришёл в себя. Резко и сразу. Как будто собственная кровь убедила в реальности происходящего.

Уже уверенно и чётко вытащил Лену на асфальт – внимательно осмотрел. Переломов нет, череп вроде в порядке, шея не сломана, чуть разбито лицо, но именно чуть.

Мертва. Абсолютно. Точно.

В груди полыхнула давно не испытываемая злость. Привык уже по работе, что люди умирают. А вот оказывается, что к смерти знакомого (близкого?) человека оказался совсем не готов.

Издаেকে, похоже, что с параллельной улицы, раздался звук взрыва. Завыли сирены пожарных. Что ж за херня творится?

Ещё раз для уверенности прощупал сонную артерию Лены.

Ноль.

Глянул на часы – по ощущениям, прошло не более двух-трёх минут с момента аварии. А значит, шанс ещё есть. Примерился и прямо как по учебнику дважды чётко ударил кулаком в прекардиальную область.

Проверил пульс.

Ничего.

Сложил ладони на груди Лены и резко провёл тридцать компрессий – Пал Палыч из академии точно бы минимум четвёрку поставил, если бы увидел своего ученика. Пятёрку Палыч принципиально не признавал, мол, лучшая пятёрка – оживший пациент.

Я на мгновение закрыл глаза, глубоко вздохнул и начал делать Лене искусственное дыхание. Тридцать компрессий, два вдоха, тридцать компрессий, два вдоха...

Проверить пульс.

Ноль.

Прервался и быстро набрал «Скорую». Линия ответила короткими гудками.

И снова. Тридцать компрессий, два вдоха...

Проверка.

Двадцать компрессий, два вдоха.

Снова попробовал набрать «Скорую» – тот же нулевой результат.

И снова два десятка компрессий, два вдоха.

Наконец, я резко отстранился.

Дальше не было смысла реанимировать. Это только в голливудских фильмах главный герой реанимирует-реанимирует героиню – а она открывает удивлённые глазки минут через десять и романтично обнимает спасителя. В реальности всё немного быстрее заканчивается. Десять минут – гарантированная смерть мозга. Семь минут – с большой вероятностью потерпевший получит диэнцефальные нарушения на всю оставшуюся жизнь. То есть главная героиня очнётся в лучшем случае доброй и послушной идиоткой – хотя, исходя из голливудских стандартов, главный герой только рад будет.

В руководствах пишут, что надо держать умирающего на непрямом массаже до приезда «Скорой», мол, всегда остаётся шанс. Но прошло уже больше десяти минут, а «Скорую» у меня вызвать так и не получилось. Судя по тому, что творилось вокруг, помощи я не дождусь.

Я отработал все мероприятия чётко минут на пятнадцать. Пора прекращать.

Я устало присел рядом. Дико захотелось пить. Нет, алкоголь точно не годился. Вот бы чего-то холодного, шипучего, чтоб прям в нос ударило. Отвлекло. В горле саднило – видно, перестарался при искусственном дыхании.

– Прости, Лен... Херовый из меня Иван-Царевич получился.

Я ладонью прикрыл ей глаза, поднял на руки и аккуратно усадил в машину – незачем на грязной дороге лежать. Не смотрелась Лена на асфальте. Никак. Рукавом протёр ей лицо, хоть немного убрал кровь – только под носом чуть-чуть запеклось.

Самое противное – не было ощущения потери. А от этого было особенно тошно.

Что-то ведь между нами происходило?

Должно же быть мне, чёрт возьми, больно?

Или я совсем уже профессионально деформировался?

Ни сожаления, ни горя, как будто парализовало все чувства. Я застыл рядом с машиной – задумался, что делать. Надо бы позвонить, предупредить родных, сообщить об аварии. Но тут я понял, что ни имён её родителей, ни их адреса, ни телефона не знаю. Растерянно сунулся в машину – найти телефон Лены или сумочку.

Но тут заорал мой телефон.

– Иван, в больницу. Срочно, – сухо сказал Олег Данилович, наш главврач.

– Не могу, – просипел я в трубку, откашлялся и продолжил. – Я тут в аварию попал. Куча машин побилась. Знакомая погибла. Я не...

– У нас хуже, – прервал меня Олег Данилович. – На работу. Быстро. И сразу ко мне.

В следующее мгновение он отключился, не дав мне возможности даже согласиться, не говоря уж об обратном. Возражения не принимаются. Жив ли, мёртв ли – будь на месте. Это тебе не в офисе штаны просиживать и в экселе таблички набивать. Когда на тебе ответственность за жизни и здоровье людей, сантименты неуместны.

В этом был весь Олег Данилович – близкий друг отца, в какой-то степени мне отца заменивший. Даже то, что я в тридцать три стал заведующим хирургическим отделением, в большей мере его подарок. Не мне. Моему отцу. Как потом мне рассказал Олег Данилович, отец сам его попросил. Я тогда, вконец разругавшись с отцом – нашла коса на плуг, – решил отправиться в армию прямо со второго курса медицинской академии, блистательно завалив зимнюю сессию. Не знал я тогда, совсем не знал, что отцу оставался всего лишь год – с диагнозом плоскоклеточный рак лёгких долго не живут. Но отец всё равно перед смертью позаботился о близких людях, насколько успел. Олега Даниловича устроил на своё место главврача, непонятно каким образом протаскив его на эту должность, минуя бюрократию Минздрава, – смысл отцу был верховодить в больнице, если последние песчинки в часах уже летели вниз. Вот только условие поставил или попросил – кто разберёт их отношения, – что если я возьмусь за ум и после армии всё же стану врачом, то Олег Данилович возьмёт меня в больницу и не мытьём так катаньем заставит стать хорошим хирургом. Как отец. А потом, если достойным сынуля окажется, отделение хирургическое передаст. То, в котором отец начинал, в котором долгое время заведовал.

Ох и поиздевался надо мной дядя Олег, поизмывался власть. И ночные дежурства чуть ли не в два раза чаще, чем другим, – хотя в этом и было немалое благо, неплохие деньги выходили. И выволочки при всех в коридоре да на планёрках, а не в тиши да неге кабинета. И выговоры административные за малейшие проколы. И частое ассистирование на операциях, даже когда после ночной смены ни хрена не соображаешь.

Но всё же выковал скальпель себе под руку – так, чтобы доверять можно было, как своему старому другу. Сделал из меня того, кем бы хотел видеть отец, – во всяком случае, я на это надеюсь. И нисколько не жалею, что пришлось всё это вытерпеть. Это моё искупление за то, что отец умер, когда я был в армии, – я даже на его похороны не попал. Мне теперь всю жизнь искупать – стать если и не лучше, чем отец, то хотя бы не худшим врачом. Жаль, что таким

же человеком-глыбой быть не получается. У отца бы точно не было этой дурацкой беготни по бабам. Он любил работу, а женщин просто терпел рядом.

До больницы оставалось совсем недалеко. Даже виднелись вдали верхние этажи здания. В обычное время я бы прошагал это расстояние минут за десять-одиннадцать. Но сегодня пролетел минут за пять – видать, адреналинчик действовать начал. Ещё подумалось, что надо будет потом зайти к коллегам в неврологическое отделение, чтобы глянули на предмет сотрясения. Вроде бы и голова не кружится, не тошнит, не водит – а ссадина на башке изрядная, до сих пор немного кровит. Знаю по опыту да по рассказам знакомых нейрохирургов, насколько коварны такие удары, – бегают человек ещё дня три, а потом шлёп на пол, и готов. Кровушка от удара накопилась по-тихому, придавила какую-то зону мозга – и вперёд к патану. Не смешно будет, если я к Машке попаду. Но потом, всё потом...

По пути попробовал дозвониться до общих с Леной знакомых, чтобы подсказали, как связаться с родителями. Но никто трубку не брал. Пару раз вообще мелодичный голос сообщил, что сеть перегружена. Уже перед входом в больницу вспомнил о Машке, набрал её номер. Но жена отбила чуть ли не сразу – злая, наверное, может, даже и догадывается, какие у меня дежурства бывают. Да и пусть догадывается – меня тоже всё достало.

Привычно вместо парадного входа рванул через приёмник терапии. А там творился форменный бедлам. На полу лежали с десятков человек. Причём их позы намекали, что жизнь в телах если и теплится, то едва-едва. Вокруг них бегали, несомненно, родственники. Из общего гомона можно было понять, что обеспокоенные близкие требуют, чтобы немедленно да сей же час к ним спустились реаниматологи, кардиологи, да и сам главврач заодно. Больше всего надрывалась полная, богато, но безвкусно одетая тётка – и скорая сволочи, потому что не дозволишься, и тут преступники, потому что помощь не оказывают, а она сама мужа пёрла целый квартал. У тишайшей Елены Ивановны – бессменного врача приёмного отделения – щёки уже алели сердечным румянцем, а шея напряглась жгутами жил. Кажется, сейчас будет взрыв – тогда родственники позавидуют тихо лежащим на полу. Тут появились четверо санитаров – и споро утащили два тела. С ними, позабыв про свои требования, рванула чуть ли не половина митингующих – одни, охраняя унесённых санитарями, другие, требуя, чтобы немедленно занялись их пострадавшими.

Воспользовавшись временным затишьем, я пробрался к двери ординаторской:

– Елена Ивановна, что за бедлам происходит?

– Ой, батюшки, – всплеснула руками женщина, – с вами-то что, Иван Игоревич? У вас же кровь идёт!

– Уже почти нет, – мрачно пошутил я. – Вся закончилась. Что в больнице творится? Мне Олег Данилович звонил – сказал, что проблемы.

– Да не проблемы, а чёрт-те что, – нахмурилась женщина. – В любом случае Олег Данилович всех заведующих собирает у себя. Мне сказал, чтобы сразу направляла к нему, если кого увижу.

– А кратко? Что стряслось?

Елена Ивановна наклонилась поближе к окошку и тихо прошептала:

– Иван Игоревич, у нас больше сотни смертей за последний час. Только в больнице. И ещё всё время несут в приёмный покой людей с улицы.

Видимо, выражение лица у меня оказалось соответствующим. Женщина поджала губы, горестно всплеснула руками и так же тихо продолжила:

– И не только пациенты. Ещё несколько врачей и сестёр. Моя напарница Алевтина Фёдоровна – царствие ей небесное – так и осталась в сестринской сидеть. Как присела передохнуть, так и отошла.

У меня резко заколотилось сердце. На губах пересохло – во уж не думал, что так отреагирую. Казалось бы, ко всему привык. Что ж сегодня за день такой? Но постарался успокоить женщину:

– Не беспокойтесь, Елена Ивановна. Сейчас схожу к Олегу Даниловичу и всё выясню. Думаю, после собрания станет известно, что происходит.

Более не задерживаясь, я рванул в своё отделение. Меня встретила перепуганная старшая медсестра.

С порога я рявкнул:

– Сколько?

– Восемь, – поняла она с одного слова:

– Кого-нибудь вытащили?

Сестра мотнула головой и разрыдалась.

– Ну, тихо, тихо, – сбавил я тон. Не люблю женские слёзы, особенно если женщина мне в матери годится. Сам виноват – у неё пациенты мрут, а тут ещё я ору с порога. – Наши все живы?

– Да-а, – всхлипывая, ответила старшая. – А в терапии Анечка из манипульки умерла-а-а...

Жаль девчушку – я эту медсестру помнил. Совсем молоденькая, только из медучилища, стройненькая, как берёзка, – и такая же светлая по характеру. Зав. терапией нарадоваться на неё не могла – всем поможет, всё успеет. И вот тебе...

Чувствуя, что дело приближается к полноценной истерике, я снова перевёл голос в командную тональность:

– Валентина Матвеевна, прекратите. Вы на работе. Позаботьтесь об умерших – для начала перенести их в одну палату, оградите от прочих пациентов, сообщите в морг. Да, и все истории мне на стол – я буду разбираться.

Уже на бегу попросил:

– И дайте мне бинт, смоченный в спирте, – надо хоть кровь вытереть. Неудобно с разбитой головой к Олегу Даниловичу являться.

Заскочив в ординаторскую – ни одного врача, все куда-то запропастились, – сбросил куртку. Тут как раз сестра подоспела с бутылочкой спирта, шариком ваты и сложенным бинтом. Я как мог оттер кровь со лба – вроде больше не сочится. Из волос выдирать застывшие тёмные комки не стал – времени нет. Надеюсь, в моей тёмной шевелюре и видны не будут, но на всякий случай прикрыл колпаком. Посмотрел на себя в зеркало – морда офигевшая, глаза дикие. Странно, что внутри абсолютное спокойствие. А по делу-то можно и паниковать – столько смертей. На ходу застёгивая халат, поспешил на второй этаж, в администрацию.

Там тоже бегали, но не кричали. Шёпотом переговаривались и делали страшные глаза. Перед самым кабинетом Олега Даниловича на светлом ламинате лежало тело, укрытое простыней. Краешек немного сдвинулся – виднелась рука с ярко-красным маникюром и длинными аристократическими пальцами. Я медленно подошёл к простыне, откинул ткань с лица. Так и думал – секретарь шефа Алина. Сколько ей было? Двадцать семь? Двадцать девять? Ещё вчера мы сидели все вместе – Алина, я и зав. отделением кардиологии Натаньч – в кафе при больнице и весело болтали, делились планами на лето. И вот теперь у неё нет никаких планов, нет лета – нет ничего. И выражение лица спокойное-спокойное, как будто задремала на минутку. Странно видеть её такой – энергичную, смешливую, деловую Алинку. Аккуратно прикрыл лицо белой тканью и встал. Еле слышный скрип двери заставил меня вздрогнуть. Резко обернувшись, я увидел шефа. Олег Данилович, близоруко шурясь, смотрел на тело.

– Такая молодая, Ваня, правда?

– Молодая, – эхом повторил я. – Олег Данилович, что происходит?

– Заходи, Иван, советоваться будем. Мне как раз из Минздрава звонок пришёл. Быстро тунейдцы отреагировали. Мы тебя только ждали да Игоря Натановича. Но Натанч... уже не придёт.

– Игорь тоже? – ошарашено пробормотал я.

– Да. Нашли в ординаторской за столом минут десять назад, – мрачно кивнул шеф и махнул приглашающе рукой. – Заходи.

В кабинете собрался весь цвет больницы – и не только заведующие, но и наиболее опытные врачи. Я даже одного из своих заприметил – Сергей Валентинович Луканов, как обычно, проигнорировал моё приветствие, только щёки надул. До сих пор простить не может, что сопляка заведующим поставили в обход него. Хотя, поговаривают в отделении, неприязнь изда-лека идёт – Луканов ещё с отцом что-то никак поделить не мог. Да и Олег Данилович сделал хороший подарок старожилу – поставил над ним сына старого недруга. Видать, было за что осадить Сергея Валентиновича. Но сегодня тот сидел рядом с шефом – какие бы ни были разногласия, но опыт остаётся опытом. И сейчас он более всего нужен.

Главврач не спеша прошёлся по светлой комнате, уставленной стеклянными статуэтками да рамочками с дипломами, выглянул в окно и только после этого задал вопрос:

– Ваши мысли, коллеги?

На удивление никто не стал никого перебивать. Вообще тишина стояла такая, как будто в школе учительница написала на доске архисложную задачу, да вот как решать, никто не знает – и потому весь класс стыдливо молчит, чтобы не позориться.

Александр Викторович, опытный инфекционист, тихо предположил:

– Эпидемия? Тропическая лихорадка?

– Тогда уж лёгочная чума, – мрачно пошутил шеф. – Не развивается всё так быстро. И симптомов нет, насколько я знаю. Никаких.

Видимо, на меня так удар головой подействовал, что я полез на баррикады:

– Я видел... Перед смертью резко расширяются зрачки. И больше ничего.

– Любопытно, – прищурился шеф. – Что предполагаешь?

– Ну... – я замялся. – Если исключить отравление атропином. А его исключаем сразу – столько отравы нигде сейчас взять. То... похоже на смерть коры мозга.

– Массовая? «Дом-2» пересмотрели? – ехидно поинтересовался Сергей Валентинович. Видно было, что он получает непередаваемый кайф, осаживая молодого выскочку.

– Я... – у меня на мгновения перехватило горло, но я продолжил. – Я видел эти проявления вблизи. Умерла молодая женщина. Без патологий. В последнее время не жаловалась ни на боли, ни на слабость, ни на температуру.

И, бросаясь в омут с головой, продолжил:

– Я был с ней последние сутки – никаких тревожных симптомов не заметил. Ни вчера, ни ночью, ни в последние минуты перед смертью.

Олег Данилович тревожно глянул на меня:

– Маша?

– Нет, – я запнулся. Блин, оказывается и мне бывает стыдно. – Другая женщина.

Луканов язвительно прокашлялся и отметил:

– В наше время...

– Яблоки были слаще, а сливы больше, – оборвал его шеф. – Мы не на собрании комсомола, Сергей Валентинович. Пока что, как ни удивительно, только Иван Игоревич может хоть что-то сказать о симптоматике и развитии... этой... хвори.

– Точно хворь? – спросил зав. отделением терапии. – Может, токсикологи что скажут. Вода там или выброс какой?

– По всей стране? – мрачно поинтересовался Олег Данилович.

Тут уже подскочили почти все.

– Стране? – ошарашено переспросил терапевт.

– Минимум стране, – кивнул шеф. – Мне из Минздрава звонили: официальная версия – новый вирус гриппа, высоковирулентный¹, с геморрагическими² осложнениями.

– Чушь, – резко бросил инфекционист. – Уж геморрагии мы бы сразу заметили. Да и вирус не бывает совсем без симптомов. Опять эта финансистка крутит Министерством, как хочет, – кто такую дуру поставил командовать здравоохранением?

– Известно кто, – пробурчал Луканов, – и известно за что. Но к медицине или иным профессиональным успехам её заслуги отношения не имеют.

– Чушь не чушь, а такова будет официальная позиция, меня знакомый уже предупредил – так что гласно будем повторять эту сказку для обывателей. Но в работе будем ориентироваться на здравый смысл, – заметил Олег Данилович. – Ещё версии есть?

Ответом ему была кладбищенская тишина. Даже стало слышно, как за сплошными стеклами окон шумит перепуганный народ на улицах.

– Тогда за работу. Живых проверить, контактировавших изолировать, умерших – в морг, персоналу инструктаж, палаты обработать тщательно, всем маски... Так, ничего не забыл? – шеф с хрустом сломал карандаш и продолжил. – И молчать! Ясно? Все гипотезы мне, все версии сюда. Для прочих любопытствующих – грипп. Не хватало ещё, чтобы журналисты какую-нибудь вавилонскую чуму придумали.

Кто-то еле слышно застонал – видимо, представил, что понапишут акулы пера, когда сообразят, насколько всё жарено да остро. А там покоя врачам не будет – ни от пациентов, ни от родных, ни от знакомых. Ещё ипохондрики как стадо леммингов набегут – и ладно бы только поликлиники осаждали, так они же сразу за лечением примчатся, невротики бешеные.

Все потихоньку начали расползаться. Но в спину донёсся голос шефа:

– Александр Викторович, Иван, оставайтесь!

Луканов недовольно обернулся, хотел что-то сказать, но, поймав злой взгляд шефа, промолчал. Логично – не время выяснять, у кого стаж длиннее да толще.

Шеф усмехнулся:

– Я прям как папаша Мюллер.

Александр Викторович, инфекционист, удивлённо посмотрел на него.

– Ну, – пояснил Олег Данилович, – «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Что, совсем склероз замучил, Саша?

Тот махнул рукой и присел на стул. Я же решил постоять – мне ещё сегодня до хрена сидеть придётся, эпикризы смертные катать.

– Итак, Саш, а теперь спокойно мне объясни, почему чушь, – попросил Олег Данилович. – Я всё же хирург бывший, меня ваши тонкости инфекционные не интересовали ещё с академии.

– Да просто всё, – вяло ответил Александр Викторович. – Тебе как, по-научному или как простому обывателю?

– Хм, знаешь, а давай-ка по-простому. Мне мэр звонил – просил, чтобы я ему объяснил, как разберусь. Вот и поможешь мне собрать версию для чиновников, чтобы они хоть что-то поняли.

– Ну, тогда... Вспомни азы. Сколько сейчас известно вирусных кирпичиков? Шестнадцать типов гемагглютинаина и девять типов нейраминидазы³. И практически все комбинации

¹ *Вирулентность* (от лат. Virulentus – ядовитый) – сумма свойств микроорганизма, определяющая его болезнетворное действие (БМЭ).

² *Геморрагия* – (от гемо... и греч. rhegnomi прорываю) истечение крови из сосудов при нарушении целостности, проницаемости их стенок (кровотечение, кровоизлияние) (Большой энциклопедический словарь).

³ *Гемагглютинин* – полипептид, назван так благодаря способности гемолизировать эритроциты. Он обеспечивает прикрепление вируса к клетке. Нейраминидаза – это гликопротеидный комплекс, который определяет ферментативную активность, отвечает за способность вирусной частицы проникать в клетку хозяина и выходить из нее после размножения. Гемагглютинин

известны, их возможная вирулентность и патогенность тоже. Помнишь, как всё срались от H1N1, хотя я тогда ещё говорил, что новой «испанки» не будет.

– Да это понятно, – поморщился шеф. – А сейчас ты почему отмечаешь возможность?

– Да потому, – пожал плечами инфекционист и тяжело вздохнул. – Не складывается. Новые комбинации вируса нам передаются по большей части от поросят да птичек. Самый патогенный, насколько я помню, был птичий H5N1. Тогда смертность скакнула до тридцати процентов. А сейчас сколько? Явно выше, и намного. Но вирулентность тогда у вируса была низкая – так и задавили эту гадость карантином. Птичьи вирусы плохо передаются от человека к человеку – они привычные к высокой температуре птиц. А у нас в носоглотке и крови вирусам как в Антарктиде – холодно, противно и жрать нечего. Вот и получается, что наиболее опасные птичьи вирусы плохо передаются. А вот свиные варианты вируса передаются хорошо, но особой угрозы от них нет – так, почихать да посопливить с фебрильной температурой. А у нас сейчас что? Куча трупов без предшествующих симптомов и бешеное распространение. Не вяжется...

– Уверен? – задумчиво протянул Олег Данилович.

– Хочешь, знакомым в Институт вирусологии позвоню? Гарантирую, они то же самое скажут. Ну, не верю я в летающих свиней, – тут Александр Викторович помолчал и нехотя продолжил. – Мне показалось, что все попадали почти одновременно. Ересь, конечно. Не бывает так... Но так показалось. Если всё же не показалось, тогда это точно не вирус. Что угодно, но не он.

– Ясно, – глухо сказал шеф. – Иван, а ты что добавишь... о твоей знакомой?

Я пожал плечами:

– Да практически всё и сказал. Лихорадки не было, я бы почувствовал, – перед Олегом Даниловичем я темнить не стал, ну есть любовница, точнее была. – Респираторных явлений, диспепсических симптомов не было. Кожные покровы чистые, насколько я помню. Блин, да вообще никаких симптомов, даже голос не менялся, горло не болело – я бы знал.

– Ясно, – повторил шеф, – что совсем ничего не ясно. Хорошо, коллеги, за работу. А я позвоню одному человечку в верхах – может, он чуть больше скажет. И ты, Саша, своим ученикам позвони в институт – пусть поделятся сомнениями.

– Позвоню, – кивнул Александр Викторович.

Мы с инфекционистом вышли из кабинета шефа и синхронно глянули друг на друга.

– Ваня, у тебя все живы? – как-то потерянно спросил Александр Викторович.

– Не знаю. Не смог до жены дозвониться. А больше никого и нет.

– Счастливый ты, – невнятно сказал коллега и, ссутулившись, пошёл по коридору.

Я с минуту стоял в приёмной шефа, тупо уставившись на белую простыню, укрывшую Алину. Бывают такие моменты, когда дел настолько много, что просто не знаешь, за что браться. Отделение? Машка? Сообщить родителям Лены? Обзвонить немногочисленных друзей?

Так и не определившись с порядком действий, я поднялся в отделение. Родной этаж заполняли испуганный шёпот да топот медсестёр. Двери палат были по большей части приоткрыты – оттуда выглядывали встревоженные пациенты. Их уже успели разогнать, чтобы под ногами не путались.

Около сестринского поста меня встретила ещё более перепуганная старшая медсестра:

– Иван Игоревич, у нас...

За её спиной маячили двое громил. Очень характерного вида. Таких амбалов я встречал только когда на «Скорой» подрабатывал – когда выезжаешь на «огнестрел», всегда рядом с подраненным «пацаном» такие вот его «корешки» крутятся. Первого амбала я мысленно окре-

стил Лысым – голова, что колено, полностью оправдывала такое наименование. Второй удостоился звания Бычара – мало того, что смотрел исподлобья, так и ещё и жевал жвачку, активно двигая челюстями. Наряды как будто у гробовщиков отобрали в Америке девятнадцатого века – чёрные костюмы, чёрные рубашки, серые галстуки. Жалко, что не негры, – вообще бы колоритно смотрелись. Опа! Лысый красноречиво помахал передо мной пистолетом.

– Это врач? – угрожающе спросил у медсестры Бычара.

– Бери выше, – любезно ответил я. – Заведующий этим отделением.

Опустив руку в карман халата, я незаметно сквозь ткань нащупал Spyderco Civilian – керамбит висел, как обычно, на поясе брюк. Жаль, что до него через халат не добраться. А эти громилы явно занервничают, если я им тут стриптиз начну показывать, расстёгивая халат. Ничего, в крайнем случае как-нибудь да достану. Дурь это, конечно, с ножом на короткоствол идти. Но хоть что-то.

– Резать умеешь? – спросил Лысый.

– И не только, – сухо ответил я. – В чём дело-то?

Он ткнул пальцем в сторону дивана, стоящего рядом с сестринским постом.

– Если не поможешь, голову прострелю – и тебе, и ей, – он указал на Валентину Матвеевну. Старшая схватилась за сердце и побледнела так, что я качнулся к ней, думая, что вот сейчас в обморок и грохнется.

– Будешь угрожать, ни хрена я тебе делать не буду, – зло ответил я, направляясь к дивану. На нём явно без сознания лежала эффектно и богато одетая девушка. Красивой я её бы не назвал – проступала в выражении лица, пусть даже расслабленного, какая-то испорченность. Но это неважно – пациентов мы не выбираем.

– Что с ней? – спросил через плечо.

– В аварию попала, – хрипло сказал Бычара. – Какой-то мудака в неё въехал. Мы его вытащили из машины пристрелить, а он, сука, уже сдох. Со страха, наверное, когда понял, в кого въехал.

– Когда сознание потеряла?

– Да мы уже из машины её такой достали.

– В себя приходила?

– Нет, – ответил уже Лысый.

– Когда авария была?

– Двадцать три минуты назад, – по-военному чётко ответил Лысый, глянув на часы. – Доктор, спаси её. Вижу, херово ей. У меня кореш таким же бледным был, когда ему маслину в брюхо засадили.

Я быстро осмотрел девушку. То, что ей хреново, было видно и так. Зеленоватая бледность и тёмные круги под глазами к признакам хорошего здоровья не относятся. Дыхание поверхностное и быстрое, пульс здорово частит, брюшная стенка напряжена. Синяки на груди и животе уже налились тёмным. Чуть перевернул на бок – сразу же бросилась в глаза припухлость на пояснице. Ясно – и хреново. Кажется, почка.

– Валентина Матвеевна, свяжитесь с оперблоком, срочно нужна операционная. Похоже, тут внутренне кровотечение. Подозреваю разрыв почки. Кровь на полный анализ, группу, гематокрит⁴. Время свёртывания, время кровотечения, протромбин, фибриноген⁵. Найдите мне ассистента.

– Иван Игоревич, так ведь никого нет.

– Совсем? – поразился я.

⁴ Гематокрит – отношение объема эритроцитов крови к объему плазмы, выражается в процентах.

⁵ Факторы свертывания крови.

– Олег Фёдорович и Диана в операционной в утра – ещё не выходили. По плану им ещё минут сорок работать. Сергей Леонидович не мог связаться с дочерью – побежал в её школу.

– А Луканов?

– Сбежал он, – брезгливо поджала губы медсестра. – Как эти вломились с требованием врача, так он по второй лестнице убёг.

– Мудак, – холодно констатировал я. – Интерны в отделении?

– Только двое – остальные тоже ушли домой.

– Зови, пусть опыта набираются, – резко ответил я и рванул в сторону операционной. – Анализы cito⁶, и больную в оперблок!

Через двадцать минут я уже сосредоточенно стоял в белом бестеневом свете операционной лампы. Врут те, кто говорит, будто в оперзале пахнет одними антисептиками – есть тут какой-то отзвук, почти не уловимый обонянием, но привычный любому хирургу. Если бы у меня спросили, чем это пахнет, я бы ответил, что болью. И не важно, что сознание одурманено наркозом, телу всё равно больно и страшно.

Девушка лежала на столе ещё более бледная – как будто прозрачная. Признаки раздражённой брюшины сильнее проявили себя – так что я правильно угадал. Артериальное давление ниже восьмидесяти – капельница усиленно заливала препараты, но эффекта пока не было. Пульс скакал от сотни до ста двадцати.

Парень-интерн бодро отчитался по результатам экспресс-анализа – вторая минус, полный анализ в норме – пока ещё в норме, скорее всего, гемоглобин вниз пойдёт. Свёртываемость низкая в компании со странными значениями фибриногена⁷ и протромбина. Первое хорошо – всегда проблема с экзотическими группами крови, вроде четвёрки. А вот последнее непонятно – вроде здоровая по виду деваха, ну, не считая аварии. Тромбоциты в норме. Так почему же такой низкий показатель свёртываемости? Но ладно, будем работать с тем, что есть.

Анестезиолог чуть пошаманил – по-другому их работу и не назовёшь, всё по чутью, прикидкам да головоломным формулам, которые больше на магию похожи, чем на науку. Слишком уж индивидуальные организмы у пациентов – что одному на чих, то другому на вынос вперёд ногами. Врач посмотрел на меня и развёл руками:

– Иван Игоревич, готова. Похоже, что наркоз приняла нормально, но затягивать бы не советовал – слишком слаба.

– Тогда приступаю, – кивнул я. – Спасибо.

Срединная лапаротомия. Извини, милая, заживает срединный дольше, шрам видный останется, да вот выбора у меня нет. Надо сразу получить доступ практически ко всем твоим внутренним органам – кто его знает, что у тебя внутри творится, откуда кровь хлещет. Сейчас не до красот и хирургического выпендрёжа. Если просто разрыв селезёнки, то ещё ничего. А если разрыв в почке или глубокое ранение печени, тогда ой – хоть ты и без сознания, но молись.

Разрез сразу мне не понравился – слишком уж сильно кровить начал. Ну нет по срединной линии крупных сосудов, чтобы так лилось. Хотя если свёртываемость снижена... Но не настолько же. Меня начало беспокоить то, что я увижу в брюшине. Через несколько секунд я это узнал – оттуда хлестануло чуть ли не Ниагарским водопадом.

– М-мать, – выругался я. Заработал кровеотсос. Я начал искать причину кровопотери.

– Быстро плазму, – скомандовал я, – и добавьте рефортан, преднизолон во вторую вену. Что-то слишком сильно льёт.

Печень выглядела странно – для молодой и здоровой девушки. Нет, не цирроз, не повреждения хронического гепатита. Что-то очень знакомое, но я никак не мог ухватить, где я ещё

⁶ Cito! (лат.) – срочно.

⁷ Фибриноген (от фибрин и... ген), растворимый белок плазмы крови, относящийся к группе глобулинов; фактор I свёртывания крови. Протромбин (от лат. pro – раньше, перед, вместо и тромбин), белок плазмы крови человека и животных, важнейший компонент системы свёртывания крови.

видел такие характерные изменения. Инфильтрации желчью не наблюдается, а вот сама печень кровила – неприятное диффузное кровотечение. Сдавил сосуды ворота печени – на время решило проблему. Есть пять минут, потом придётся убирать зажим. Надо искать дальше – кровь всё равно поступает. И причина явно не в печени.

Вот оно!

Поврежденная брюшина, а за ней – разрыв артерии почечной ножки. Все вместе и обеспечивали ту Ниагару, что меня поразила при полостном разрезе. Кровь тугими толчками выбивалась из раны. Я быстро стал набрасывать швы. Интерн споро помогал – хорошая хватка у парня, и сам без подсказки помогает. Если не бросит медицину из-за нищенской оплаты, выйдет неплохой хирург. Кровь всё равно прибывала, давление скатилось до шестидесяти четырёх.

– Ещё плазму, – скомандовал я, – и пустите сильнее по вене. Я не успеваю перекрыть отток.

Снова начала сочиться кровью печень. Я глянул на зажим – вроде крепко держится. Но всё равно пора снимать – время на исходе. Откуда крови-то столько?

Дошивая артерию, я устало вздохнул. Кажется, успели. Почку девочка сохранит – не вижу причин для удаления. Убрал зажим с сосудов ворота печени – открывшееся снова кровотечение уже так не пугало, как рана на почке. Аккуратно я стал приводить печень в порядок...

И тут давление ухнуло сразу до сорока, противно запищал кардиомонитор, пульс бодро ускакал до ста сорока.

– Бл...дство, – выматерился интерн, – что ж за х-ня?

Я с ним был полностью согласен, но не было времени что-либо ответить. Такое ощущение, что кровь стала сочиться чуть ли не из самой брюшины.

– Ещё криопреципитата, – крикнул я, лихорадочно перекрывая новые участки кровотечения.

И тут сердце встало. Давление покатило вниз.

Медсестра вкатила два шприца сразу в трубку капельницы – ноль реакции, последние пики пульса на кардиомониторе стирались ровнёхонькой, чуть-чуть волнистой линией. Анестезиолог достал дефибриллятор – дал разряд, второй, третий. Тело на столе безвольно дёргалось под импульсами.

Ещё укол адреналина.

Три разряда.

– Всё, – сказал я, снимая маску. – Хватит.

И только теперь я вспомнил, откуда мне знаком такой характерный рисунок поверхности печени. Бывает же такое – в пылу операции стираются побочные знания, как будто сознание само решает, что важно в данный момент, а что нет. Хотя даже если бы я и понял сразу, не факт, что мне бы это помогло, что спасла бы догадка умершую девушку.

Я вышел из операционной через пять минут, прямо в заляпанном кровью фартуке. Не люблю выглядеть хирургом-маньяком – всегда стараюсь поаккуратнее работать. Но, видимо, сегодня день такой, что всё через задницу получается. Настроение было соответствующим – хотелось кого-то убить. Желательно в первую очередь новых знакомых с огнестрелом по карманам.

Бугаи сидели, как школьники, – смирно и тихо. Разве что руки не сложили. Подскочили, только меня увидели.

– Ну?! – буркнул Бычара.

– На чём она сидела? – сразу наехал на него я.

– Чо? – попёр представитель до сих пор экзотической профессии «бодигард».

– Не «чо», а на чём она сидела?

Удивительно, но этот вполне себе простой вопрос мигом сбавил градус нахальства у моих новых знакомых.

Лысый угрюмо спросил:

– Тебе-то что?

– А сказать не могли, идиоты? – меня несло, и останавливаться я не собирался. – Вместо того, чтобы махать передо мной пушкой, сказать нужно было, что ваша подопечная конченная наркоманка.

– Да ты знаешь, кто она? – рявкнул Бычара. – Она дочь Коломойского. Вякнешь кому-то, я тебе голову в жопу засуну.

– Не вякну, – равнодушно ответил я. – И никому это уже интересно не будет.

– В смысле? – будто бы испуганно спросил Лысый.

– Девушка умерла, – сухо ответил я. – Сильная потеря крови. При частом употреблении кодеиносодержащих препаратов нарушаются механизмы свёртываемости крови – даже специальные инфузии, что я в неё влил, дела исправить не смогли. Да и от героина такое бывает. Потому и спрашиваю... Сказали бы, что ваша подопечная прожженная наркоманка, быть может, вытянули.

– П...дец тебе! – заорал Бычара, хватаясь за пистолет.

Но Лысый удержал его за руку.

– Стой, Вадим. Если грохнешь доктора, то кто подтвердит хозяину, что мы не при делах? Он же нас следом порешит. Мы ещё хирургу позавидуем.

Удивительно, но столь проникновенная тирада товарища возымела действие. Бычара неловко убрал руку. И хмуро поглядел на меня:

– Ещё увидимся, доктор. Хозяин захочет с вами поговорить.

– Не думаю, – ответил я и, нагло развернувшись к ним спиной, пошёл снимать с себя окровавленный костюм. Дико хотелось в душ и чего-нибудь алкогольно-высокооктанового. Но более всего хотелось, чтобы этот ненормальный день побыстрее закончился. Или хотя бы не принёс более никакого сюрприза.

Вернувшись в отделение, я услышал, как старшая медсестра испуганно визжит. И следом донёсся крик:

– Кто-нибудь! Сюда! Он встал!

В конце коридора из палаты выскочила Валентина Матвеевна, причём с такой скоростью, как будто за ней гнались ромеровские зомби, подвывая: «Мозги! Мозги!»

– Кто встал? – не сдерживаясь, заорал я на весь коридор. – Что ещё случилось?

– Иван Игоревич! Иван Игоревич! – истерические нотки никуда не делись, Валентина Матвеевна подбежала ко мне, вцепилась в плечо. И тут я с удивлением понял, что медсестра от страха еле на ногах держится.

– Кто встал? – уже тише и спокойнее повторил я.

– Труп! – то ли всхлипнула, то ли взвизгнула старшая.

– Пойдёмте глянем, – мрачно проворчал я. И, почти что галантно подхватив под ручку женщину, потащил её к дальней палате. Насколько я понял, именно туда снесли все трупы в ожидании, пока работники морга за ними не придут.

– Валентина Матвеевна, может, вы просто ошиблись?

– Не-ет, – всхлипнула женщина, – я туда зашла проверить. И тут он приподнимается и простыню с себя снимает.

– Может, вы слишком поспешно его в трупы записали? – пошутил я.

– Вы что? – обиделась старшая медсестра. – Как тут ошибёшься? Я же сама с Сергеем Валентиновичем его реанимировала. Разряд давали, адреналин ввели – сердце даже не дёрнулось.

– Извините, Валентина Матвеевна, – повинился я. И вправду, уж кому-кому, а старшей медсестре стоило в этом доверять – с её-то опытом. Мертвого от живого точно бы отличила. Ну, разве что кроме какого-нибудь экзотического случая, вроде летаргической комы. Да и Луканов

бы такой глупой ошибки не совершил – педантичная сволочь, не позволяет себе ошибаться. Два опытных человека – и вдруг приняли живого за мёртвого? Странно.

Дверь палаты неожиданно открылась нам навстречу, на пороге показался светловолосый мужчина, завернутый в простыню, как римлянин в тогу. Но ногах у него были синие в зелёную полосочку носки, из-под импровизированной тоги выглядывала синяя майка спортивного кроя. Глаза сверкали странным лихорадочным возбуждением.

– Иван Игоревич, доброго дня, – важно поздоровался пациент.

– И вам доброго, Михаил, – кивнул я ему.

Тут Валентина Матвеевна не выдержала и с глубоким вздохом сползла на пол. Я еле успел её подхватить, чтобы не ударились, и аккуратно уложил на пол.

– Ирина! Аня! Сюда! – рявкнул я на всё отделение. – Валентине Матвеевне плохо!

Ещё раз внимательно оглядел Михаила Тимошенко – он лежал в моём отделении после операции, четыре дня прошло, динамика отличная. Трупных пятен нет, наоборот, румянец на щеках, да и движения резкие, бодрые. На свежий труп никак не похож, как и на классического зомби.

– Что же вы так, Михаил? Зачем Валентину Матвеевну пугаете? – поинтересовался у пациента.

Тот виновато пожал плечами. Помог мне перетащить старшую медсестру на диванчик около сестринского поста. Рядом захлопотали две медсестрички. Впрочем, Валентина Матвеевна быстро пришла в себя, вот только старалась держаться подальше от Михаила.

– Позвольте? – я взял его запястье, нащупывая пульс. Ровный, как у абсолютно здорового человека, ударов семьдесят. Даже слишком ровный для человека, который только что очнулся, накрытый простынёй среди покойников.

– Михаил, как вы себя чувствуете? – поинтересовался для успокоения совести.

– Отлично, доктор, – улыбнулся Тимошенко. – Даже лучше, чем раньше.

– Представляете, Валентина Матвеевна сказала, что вы умерли, а сейчас воскресли? – я улыбнулся, втайне радуясь, что хоть какая-то сегодняшняя история закончилась хорошо.

– Так и есть, – кивнул Тимошенко, как-то очень внимательно ко мне приглядываясь.

– То есть? – уже я настороженно присмотрелся к пациенту.

– Я умер. И Господь меня воскресил, – торжественно заявил Михаил.

Рядом опять послышался глубокий вздох. И вслед за ним снова засуетились медсёстры.

– Валентина Матвеевна, – устало сказал я в воздух, – вам ещё не надоело в обмороки падать? Это как бы непрофессионально.

И, повернувшись к Михаилу, спросил отдельно и ясно:

– Вы утверждаете, что умерли? А потом вас воскресил Господь?

Михаил радостно кивнул. И с гордостью во взоре добавил:

– Я должен многое сделать. И потому Он меня вернул.

Я прямо почувствовал, как Михаил сказал «Он» – с очень большой буквы. Вот те раз, а казался совершенно нормальным до сегодняшнего дня. Надо будет завтра вызвать больничного психиатра Деменко – пусть Вадим разбирается с этим «воскресенцем» сам.

– Тогда я поздравляю вас, – пожал руку Михаилу. Спокойствие, только спокойствие, тон доверительный, движения плавные. – Отдыхайте, завтра мы ещё с вами побеседуем...

– Но я хотел уже выписываться, – настойчиво перебил меня Тимошенко.

– Зачем торопиться? Вы сегодня пережили потрясение. Вам нужно отдохнуть. А завтра я вас выпишу, – улыбнулся я пациенту, который выглядел совсем не так, как я его помнил и до операции, и после. Что-то в нём появилось. Пока ещё малозаметное, но всё более и более проявляющееся с каждой минутой разговора. Напор? Уверенность? Или признаки безумия?

– Спасибо, Иван Игоревич, – улыбнулся Тимошенко.

– За что? – поинтересовался я.

– За понимание. Я думал, что придётся всё долго объяснять, а вы сразу всё поняли и уверовали в меня.

– Э-э-э... – я не нашёлся, что сказать, так меня смутило его последнее заявление. Уверовать в него? Мания величия? Начальные признаки шизофрении? Так, без Деменко точно не обойтись. Надо бы его ещё сегодня натравить на этого «ходячего жмура». – Отдыхайте, Михаил. Конечно же, я вас понимаю. Валентина Матвеевна, проводите пациента в его палату?

Тут я поймал перепуганный взгляд старшей и сжалился.

– Ирочка, помогите Михаилу. А Валентина Матвеевна пусть ещё немного отдохнёт.

Медсестра подхватила руку Тимошенко и немного опасливо повела его по коридору.

– Иван Игоревич, – свистящим шёпотом сказала старшая медсестра, – я не ошиблась. Христом клянусь, не было ошибки. Спросите у Луканова. Мне не верите, ему поверьте.

– Да верю я вам, Валентина Матвеевна, – я устало отмахнулся. – И доверяю я вам как специалисту – вряд ли вы просто так ошиблись. Может, это такой симптом неведомой болезни? Впал человек в глубокую кому, вот вы его и приняли за мёртвого. Полежал немного и пришёл в себя. Сегодня уже столько всего навёртелось, что я поверю во всё что угодно.

– А адреналин, а разряд? – всхлипнула медсестра.

– Всякое в истории медицины было, – я пожал плечами.

Ужасно хотелось ещё посидеть – всё тело ломило от усталости. Да и морально я жутко вымотался за сегодня. Но плановые больные никуда не делись даже в такой день, да и приёмник работал споро, одного за другим подвозили новых пострадавших. Видимо, сегодня у «Скорой» ударные стахановские сутки. И ещё надо было проверить неожиданную гипотезу – может, не одному Тимошенко повезло.

Через полчаса я выполз из палаты с мёртвыми пациентами – перещупав, переслушав всех по два раза. Нет, ни летаргия, ни глубокая кома, ни прочая экзотика не наблюдались. К сожалению. Люди были бесповоротно мертвы – уже начали проявляться трупные пятна на нижнерасположенных участках тел, помутнели роговицы, да и слизистые оболочки повысыхали. Мертвы, без вариантов. Трупы ничем не напоминали живчика Тимошенко, хотя, по словам Валентины Матвеевны и сбежавшего засранца Луканова, Михаил Тимошенко поначалу был с умершими полностью заодно и ни в чём от них не отставал. Но к финишу с ними не пришёл – дезертировал.

Минут через десять я уселся за посмертные эпикризы. Всё равно эту работу делать надо, а кроме меня сейчас и некому. Медсёстрам не доверишь, Луканов неизвестно где. Да и сегодняшние эпикризы хрен кто напишет. Я и сам не знаю, как их заполнять. Может, написать ту геморрагическую ерунду, что придумали полудурки из Минздрава? Так позориться перед Олегом Даниловичем не хочется. Пусть это и официальная версия, но ведь идиотская. Нет никаких признаков геморрагии у трупов. А значит, у здоровых тем более искать смысла нет.

Ещё два часа ушло на бумажки. Потом я забежал в администрацию, но шеф уже ушёл домой. Да и в администрации мало кто остался – Олег Данилович всех отправил по домам.

Выбравшись из больницы в ясное тепло раннего весеннего вечера, я не спеша прошёл на стоянку к своей машине. Тёмно-синий «фольк» – пусть и не шикарный кабриолет, но мне нравится. Мне в нём уютно, а для меня это самое важное. Вчера я оставил машину около больницы, поехал вместе с Леной. Сегодня пора забирать – и ехать домой.

Лена...

А я так и не связался с её родными.

Неприятно чувствовать себя сволочью. И то, что день такой ненормальный, – совсем не оправдание. Достал телефон, чтобы набрать хоть кого-то из общих знакомых. И с удивлением увидел надпись «Нет сети». Явно сюрпризы дня сегодняшнего никак заканчиваться не хотят. Плюнув и решив, что разберусь со всем этим завтра, я забрался в машину и выехал со стоянки.

Домой я добирался целый час – не ожидал, что встретится три крупных пробки и десятки битых машин, оттянутых на обочины. Кое-где дорогу украшали россыпи искристого стекла, в одном месте даже ещё не успели оттереть кровь с асфальта – и багровое пятно выделялось под ярким светом весеннего, пусть даже и склоняющегося к закату, солнца. Перед подъездом припарковалась «Скорая» – водила устало курил на лавочке, мрачно осматривая окрестности.

Лифт тоже не работал. Но это я никак не связывал с неприятными сюрпризами прошедшего дня. Частенько детище Элиша Грейвса Отиса отказывалось выполнять обязанности и выдавало самые разнообразные капризы, доводя лифтера до белого каления. А вот жильцы в большинстве своём привыкли. Да и я не роптал. Забежать на восьмой этаж – хорошая гимнастика. Но вот сегодня я бы предпочёл небольшой подарок от современной техники – с радостью бы вознёсся на свой этаж в кабине лифта.

Еле переставляя ноги, я поднялся на все двести ступеней... чтобы увидеть на площадке, около двери соседки врача «Скорой».

– Случилось что? – устало поинтересовался я, протягивая руку. – Я сосед. И тоже врач. Сволочной денёк, правда?

После крепкого рукопожатия молодой врач мрачно сказал:

– Армагеддец, а не денёк. С ног сбиваемся... И везде одно и то же.

– А тут что? – выдавил я из себя остатки любопытства и участия.

– У вашей соседки муж умер. Сейчас оформим и будем забирать. Менты уже уехали – вот уж у кого тоже работы сегодня непочатый край.

– Ужас... – вяло согласился я, отпирая дверь. – Сегодня надо будет зайти к соседке, успокоить хоть как-то.

– Надо, – кивнул врач, подкуривая сигарету. – Сучий день, быстрее бы закончился.

Махнув рукой на прощание, я закрыл дверь и первым делом понёс тело на кухню, чтобы выудить что-нибудь высокооктановое из холодильника. Идти к бару не хотелось, хоть там угнездились напитки повкуснее. В холодильнике можно найти средство два-в-одном – выпить и поесть. Только сейчас я понял, что не ел весь день. Да и утром с Леной только выпил кофе с домашней булочкой.

На кухне меня встретил никотиновый туман и Машка, угрюмо пьющая водку на подоконнике. Думал, что меня сегодня уже ничем нельзя удивить. Но Маша, пьющая в одиночку, – это уж очень круто. Если жена по водке ударила, тогда точно конец света наступил.

Глава 2

Когда речь заходит о судмедэкспертах, почему-то все представляют здорового небритого мужика с бычком в зубах. Именно поэтому, когда перед родственниками покойных появляюсь я, большинство смотрит пустым взглядом. Некоторые раздраженно бросают: «Девушка, ну я же просил позвать патанатома». Поначалу я обижалась, потом веселилась, сейчас все равно. Небритым дядькой мне не стать ни при каких условиях, да и метр шестьдесят роста тоже не слишком поддаются коррекции. Если добавить к этому манеру носиться чуть ли не вприпрыжку, симпатичное лицо и фигуру со всеми нужными округлостями, очевидными даже под бесформенной спецодеждой, реакция людей становится предсказуемой до невозможности.

Если бы не куча отчетов и необходимость иногда общаться с родственниками усопших, моя работа была бы идеальной. Впрочем, огромное количество бумажек – вечная беда любого врача, и по сравнению с докторами других специальностей мне еще везет. «Больные» не скандалят, отвечать по большому счету не перед кем, кроме Бога, которого нет, и собственной совести. Ведь, как известно, патанатом – лучший диагност, он же последняя инстанция. Да и проверками особо не допекают. В последний раз, помнится, проверять пришли по наводке журналистов. Работники местных газетенок то ли перегрелись, то ли не проверили источник, который, судя по всему, решил жестоко подшутить, и разродились разоблачительной статьей. Кто бы мог подумать: местные торговцы фруктами хранят их не где-нибудь, а в холодильниках судебного морга. Подкупить судебных медиков выходит дешевле, чем арендовать холодильники по всем правилам.

Шеф, узнав о цели визита, покрутил пальцем у виска и повел смотреть холодильники. Дело было как раз в разгар лета, а полежавший под кустом пару дней труп пахнет ничуть не лучше подгнившей туши. Проверяющие нервно сглотнули и мигом испарились, отказавшись даже от коньячка на прощанье. Выражения, которыми их потом поминал шеф, при дамах лучше не повторять. Второй раз на моей памяти проверка приходила, когда пошли слухи о том, что мы пускаем трупы на органы. Хотела бы я посмотреть, на какую трансплантацию сгодится почка бомжа, месяц после смерти пролежавшего в подвале. Впрочем, в той комиссии оказались люди вменяемые, в холодильники не лезли. Мол, вы же сами все понимаете: поступил сигнал, мы обязаны отреагировать.

Словом, все бы хорошо, если бы не то, что приходится общаться не только с трупами, но и с живыми людьми. Я в судебные медики-то пошла именно для того, чтобы не иметь дела с больными. К сожалению, хороший врач – это не только светлая голова, но еще и умение принимать людей во всех их проявлениях. По крайней мере, в рабочие часы. То, что хорошего врача из меня не выйдет, я поняла довольно быстро. И выбрала специализацию исходя из принципа «не навреди». Чего тогда стоило прорваться в интернатуру на «судебку», сейчас лучше не вспоминать, но оно того стоило. Нет, с головой у меня все в порядке. А вот с терпением и тактом – не очень. Так что стараюсь лишний раз не встречаться с родственниками покойных. Понятно, трудно сохранять адекватность, потеряв близкого. И все же...

– Девушка, я же просил позвать патанатома.

Ну вот, рабочий день, считай, еще не начался, а уже. Семейная пара, чуть за сорок. У нее заплаканное лицо и погасший взгляд, он держится как человек, то ли не осознавший, что произошло, то ли не желающий в это поверить.

– Меня зовут Мария Викторовна, и я судебно-медицинский эксперт. Чем могу помочь?

Дурацкий вопрос на самом деле. Помочь я могу едва ли, смерть – практически единственная необратимая штука в нашем мире, а в другой я не верю. Но это лучше, чем «Что вы хотели?».

– Вы... вскрывали мою дочь?

– Простите, а как ее фамилия?

Может, я, может, и нет. Криминальных трупов хватает – от «подснежников» до суицидов. За последние два дня было три молодых женщины. Изнасилование и убийство, взрыв и криминальный аборт с летальным исходом. Так которая из?

– Воронцова... Катя, – выдавила женщина. – Вчера вечером тело отдали.

Эту помню. Неопровержимое доказательство того, что всеблагий и справедливый Господь – всего лишь выдумка для слабосильных. Девочке было шестнадцать. В девочку был влюблен мальчик, который ее не интересовал совершенно. Так бывает, и нередко. Только мальчик, как водится порой за юными мальчиками, решил, что это конец света. Сделал самопальную бомбу, навесил на пояс, шахид недоделанный. Напросился на встречу – мол, попрощаться, больше не будет докучать. Обнял напоследок и бабахнул.

– Да, я исследовала тело. Что вас интересует?

– Где ее трусики? – спросил отец.

– Прошу прощения?

– Нам выдали одежду. Все на месте, кроме трусов. Где они?

– Понятия не имею. Возможно, после того, как их срезали, возвращать было нечего.

Как могут выглядеть девичьи трусики после того, как прямо на животе у девушки взорвался заряд?

– Как это вы не имеете понятия, если, как говорите, работали?

– Ко мне на стол тело попадает раздетое. Если хотите, могу поискать санитара, который этим занимается.

– Уж поищите, – процедил он. – Не стыдно на людском горе наживаться?

Отвечать на риторические вопросы не имеет смысла, поэтому я молча развернулась и пошла искать санитара. Не то чтобы я верила, будто он стащил трусы. Просто клиент всегда прав и так далее и тому подобное, а врачи, конечно, убийцы и хамы, и нельзя лишать человека удовольствия в очередной раз убедиться в этом лично.

Искать, разумеется, не пришлось, куда он из секционного зала денется. Идти дальше оказалось: в служебные помещения родственники не допускаются.

– Михалыч, с этой, которую взорвали, ты работал?

Михалычу за шестьдесят, и, кажется, он был здесь всегда. По крайней мере, шеф утверждает именно так, а я работаю здесь слишком недолго для того, чтобы это оспаривать. Пять лет после института – как раз тот срок, за который из личинки врача формируется специалист. С точки зрения обывателя, правда, доктором меня назвать сложно, ну да обыватели на то и обыватели, чтобы иметь единственно верное мнение обо всем на свете.

– Помнишь ведь, что я, – ответил Михалыч. – А что?

– Там родители трусы потеряли. Поговоришь?

– А сама чего?

Я сделала умильное лицо.

– Ну Михалыч, ну миленький, поговори. Я ж опять поругаюсь, ты же знаешь.

– Эх, молодо-зелено, – вздохнул он. И чему вас только учат? Должна будешь.

Я кивнула. Чему учат? Куче всякой ерунды, которая потом забудется сама собой. А вот разговаривать с людьми – нет. Кто-то потом учится сам, а кто-то как я.

Михалыч, вон, безо всякого университета умеет уболтать даже самого агрессивного. Жаль, мастер-классов не дает. Смеется только, мол, любить людей надо, они хорошие, только не все сами это понимают. Может, и так. Только...

Додумать я не успела. Из-за спины раздался крик «Врача!», и я рванула туда со всех ног. Из-за банального обморока Михалыч бы не суетился, навидался. И обмороков, и сердечных приступов. И если он орёт во всю глотку, значит, что-то серьёзное. Из секционного зала через коридор, выложенный кафелем – убьюсь когда-нибудь, поскользнувшись, – туда, где остались

безутешные родственники. Впереди маячили спины в белых халатах, кто-то сообразил раньше и бегал быстрее.

Когда я вылетела в холл, над лежащей уже суетились коллеги. Непрямой массаж сердца, дыхание рот в рот, как по учебнику. Вот клинической смерти на моей памяти не было.

Михалыч на миг поднял голову:

– «Скорую» вызывай!

– Что сказать? Сердце?

– Да!

Телефон зазвонил, как всегда, не вовремя. Жавшийся в угол муж умирающей подпрыгнул, я матюкнулась, на миг забыв и про этику, и про деонтологию.

«Вот когда ты померёшь – похоронят тебя, гроб украсят зелёным венком⁸», – завывал телефон, пока я извлекала его из-под рабочего костюма. Муж на эту песню обижается, ну и пусть его. У меня больше поводов обижаться. Я сбросила вызов – перезвонит, если надо, – и набрала номер «Скорой». «В настоящее время все линии заняты, пожалуйста, подождите».

Попадись мне тот идиот, что первый придумал ставить на время ожидания музыку, – убила бы. Отключилась, набрала снова. «Пожалуйста, подождите».

Цирк, да и только. Полное здание вроде как врачей, а толку – ноль. Впрочем, будь тут хоть сам Гиппократ, широко бы он развернулся со стандартной аптечкой да мешком Амбу, непонятно каким чудом попавшим в укладку?

– Что там? – спросил кто-то.

– Не отвечают.

– Не может быть!

– Звони сам. – Я сунула коллеге телефон, он отмахнулся, достал свой. Я снова набрала номер. Музыка. Да сколько ж можно!

Нет, я всё понимаю. Про врачебные зарплаты мне можно не рассказывать, у мужа-хирурга в расчётке слёзы одни, щедро наше государство несказанно. Про то, какая адская работа у «Скорой», можно тоже лишний раз не повторять. Результат предсказуем: людей не хватает. И если бригаду приходится ждать полчаса, значит, она едет с одного вызова на другой, и появиться раньше просто некому. Но чтобы вот уже пятнадцать минут занято? Что у них там стряслось, умерли что ли все?

– Скорая помощь. – Ну, наконец-то.

– Женщине плохо с сердцем, – знаю, что это не диагноз. Но глазом-рентгеном не обзавелась, диагнозы издалека ставить не умею. Вот вскрыем... тьфу ты, не накаркать. – Проводим сердечно-лёгочную реанимацию. Нет, самостоятельного дыхания нет. Пульса тоже. Адрес... Да, судебный морг. Ждём.

Телефон снова подал голос, я снова сбросила звонок. Сменила одного из тех, что был на полу: мне достался мешок Амбу. Два вдоха, тридцать нажатий. Два вдоха...

По-хорошему, нужно подключать мешок не к маске, а интубировать. По-хорошему нужен дефибриллятор, одновременно – катетер в подключичную вену и фармакологическую поддержку. Если бы мы были в больнице, всё бы это нашлось. Наверное. Но мы были в морге, а местным постояльцам реанимация ни к чему.

Меня сменили, отошла к стенке, чтобы не мешаться. Глянула на часы – ещё пятнадцать минут прошло. Потом ещё пятнадцать. «Скорой» не было.

– Хватит, – сказал шеф, наконец. – Всё, понятно уже. Я к её мужу, ты, – палец указал на ближайшего коллегу, – оформляй документы. Уносите.

Чего-чего, а носилок для трупов у нас хватает. В отличие от лекарств.

⁸ «Веселая покойницкая», группа «Башня Rowan».

Не первая смерть на моей памяти – ещё когда студенткой в реанимации подрабатывала, насмотрелась, – а всё равно паршиво. Сходить, что ли, стрельнуть у кого сигарету? Если не превращать в привычку, действительно успокаивает. И позвонить надо... что там муж хотел?

– Ив, привет, звонил?

Вообще-то мужа зовут Иван. Ваня. Но какой он, к лешему, Ваня – шикарный кареглазый брюнет с широченными плечами, вокруг которого девчонки всегда штабелями укладывались. Когда мы начали встречаться, в институте, «Иван» оказалось слишком чопорным, а «Ваня» – совершенно неуместным... тогда я и приклеила к нему эту кличку. Ив. Прозвище, навевающее мысли о Франции... и соблазне. Дела давно минувших дней. А прозвище осталось.

– Да, – голос был недовольным, и я поморщилась. – Домой рано не жди, у меня ахтунг.

И отключился, не попрощавшись.

Я убрала телефон, медленно и бережно, уж очень хотелось запустить о стену. Достал. Обидами на пустом месте, вечной усталостью, которая якобы дает право уткнуться носом в монитор и ничего не делать – можно подумать, я на работе груши околачиваю, – дежурствами, половину из которых выдумывает... А ещё бабами. И находит вечно красивых, но без мозгов. Предпоследняя вон додумалась позвонить с воплем: отдай его, он мой. Мы же интеллигентные цивилизованные люди, давай, мол, ситуацию разрешать цивилизованно. Я не стала уточнять, с каких это пор «цивилизованными» называют попытки решить за взрослого дееспособного мужчину, с какой женщиной ему оставаться. Он что, дитяtko малое неразумное? Да забирай, говорю. Только ты всерьез полагаешь, что мужчину можно как телка из рук в руки за рога передать, а он и не взбрыкнёт? Обручальное кольцо у него на пальце, а не в носу, захочет – уйдет. Не уходит? Ну извини, милочка, полагаешь, это мои проблемы?

Мужу я тогда ничего не сказала. Устраивать скандал – противно и бессмысленно, а ничем, кроме скандала, подобный разговор и не закончится. Из десяти пар с курса, поженившихся до окончания института, мы – последние, кто ещё не развёлся. И, кажется, тоже недолго осталось. Жаль.

Телефон зазвонил снова, я снова поморщилась, но ответила. Аня любит потрепаться «за жизнь», то есть ни о чём, абсолютно не принимая во внимание, есть ли у собеседника время и желание говорить. Но всё лучше, чем размышлять о том, что хорошее дело браком не назовут. Или о трупe, который только-только увезли, и «Скорой», что так и не приехала.

– Маш... Кирюша умер.

– О господи... – я прислонилась к стене. – Когда?

– Я утром его покормила... Положила в кровать, пошла на кухню сама поесть... Возвращаюсь – он тёплый и неживой совсем.

Я сползла по стене, не отрывая трубку от уха. Аня всё звала меня в крёстные, а я смеялась, совсем, что ли, сдурела – атеистку в крёстные звать? Так и не окрестили...

– Маш, в «Скорую» еле дозвонилась. А приехали какие-то с милицией. Протокол пишут. Они что, считают, что это я его сама?

– Мария, всё в порядке?

Я отмахнулась от шефа – правда, всё в порядке, захотелось вот на полу посидеть вместо работы.

– Анечка, они ничего такого не считают. Правда. Просто есть правила. Никто тебя ни в чём не обвиняет.

– Они говорят, в морг повезут, дома не оставят. Я не хочу, чтобы моего мальчика...

– Анечка, милая. Ему не будет больно. Правда.

Ему уже никогда не будет больно.

– Как я его одного с чужими оставлю? Маш, а ты можешь договориться, чтобы меня пустили?

Даже если бы и могла, не стала бы. Понятно, что подруга сейчас не в себе, и всё же, нашла о чём просить.

– Не получится. Есть приказ Минздрава... Сто восемьдесят два, пункт один-восемнадцать.

– Как ты можешь о бумажках говорить, когда тут... – всхлипнула она и бросила трубку. Могу. Я много чего могу. Ох ты чёрт, ну и денёк, а ведь ещё девяти утра нет.

У служебного входа постоянно дымил кто-нибудь из наших. Раньше, не очень-то церемонясь, курили прямо в прозекторской, но потом там поставили пожарные датчики, на каждую сигарету реагирующие истошной сиреной, – и заядлым курильщикам пришлось перебраться во двор. У кого стрельнуть курево, точно найдётся.

Рядом с крыльцом стояла милицейская труповозка, около неё в компании водителя и милиционера дымил наш эксперт.

– Сигареты не будет? – поинтересовалась я.

– Ты ж не куришь? – коллега тем не менее протянул раскрытую пачку. Я пробурчала что-то невнятное, затянулась. Дым заскрёб горло – потом болеть будет. Ну и чёрт с ним.

– Постой, – до меня только сейчас допёрло, что коллега вообще-то с ночной смены и давно должен был ехать домой. – Ты чего до сих пор здесь?

– Да с вызова ехали. Этим, – он мотнул головой в сторону. – По рации ещё один пришел. Давай, говорят, заедем, всё равно смена ещё не кончилась. Заехали, мать его! – коллега сплюнул. – Вот только-только добрались, на дорогах кирдык, авария на аварии, пробки дикие. Домой пешком пойду. Документы только оформлю.

Я кивала, машинально поддакивая. Что за день такой?

– А тут что? Чего ручки трясутся?

И в самом деле. Надо же, не заметила.

– Да тоже веселуха с утра пораньше. Посетительница умерла.

– Бывают же деньки, ммать... Хрен с ним, пошли работать.

Пошли работать. Что бы ни творилась вокруг, наша работа никуда от нас не денется – до тех пор, пока одним людям будет нужно узнать причину смерти других людей. Хорошо это или плохо – не мне судить. Сейчас – хорошо, можно работать и не думать. Ещё хорошо то, что детские прозекторы есть, в соседнем крыле, и детские трупы на них. Конечно, скажи я про Кирюшу – подменили бы без проблем, а возможно, он бы просто ко мне не попал. И всё же лучше так. Потом протокол почитаю, Аня спросит.

Так, ладно, всё фигня, кроме пчёл, а рыдать на работе неприлично. Оставим до дома. А пока – самоубийца.

Как по мне, подростков с идеями «вот умру, буду в гробу лежать красивый, и все поймут, кого потеряли» нужно приводить к нам в приказном порядке. Чтобы убедились, что смерть красивой не бывает. А заодно посмотрели, что с их телом сделают после смерти. На извлечённый из тела и аккуратно разложенный органокомплекс, от языка до прямой кишки, вынутый мозг. И не слишком эстетичный шов от горла до паха, остающийся после того, как внутренние органы вернут обратно и туда же, в брюшную полость, сложат мозги – чтобы не испортили похороны, вытекая через шов на голове. Смерть мой хлеб, а относиться к трупу, как к объекту изучения, студенты учатся ещё на курсе анатомии. Но тех, кто ищет в ней эстетику, я бы собственноручно привязывала к секционному столу. Чтобы полюбовались, эстеты недоделанные.

Сам ли этот мужчина залез в петлю или ему помогли, решать следователю. А моё дело – точно назвать причину смерти. И подробно описать всё, что увидела. Чем я и занялась.

Я дописывала акт судебно-медицинской экспертизы, когда через плечо склонился коллега, дохнув свежим спиртом. Вопреки представлениям обывателей, на работе мы не пьянствуем. Ну, не чаще других. Праздники и дни рождения – дело святое. Впрочем, насколько мне известно, даже у офисного планктона принято протавляться по таким поводам. Спиртыга

с утра, да ещё и от Вадима, кафедрального сотрудника, который, вообще-то, сейчас должен бы студентов строить – не иначе как завтра красный снег пойдёт.

– Что делаешь?

– Песни пою. Русские народные, – огрызнулась я. Терпеть не могу, когда повисают за спиной, заглядывая через плечо. Ещё меньше люблю дурацкие вопросы. – Куда студентов своих дел?

– Домой отпустил. Всё равно четверть группы добралась, говорят, город встал полностью.

Странно. Пробки у нас, конечно, есть – где их нет. Правда, приезжие москвичи истерически смеются, слыша что-то вроде «ну, от сих до сих можно доехать за пятнадцать минут, а если пробка – то за час». Но чтобы весь город стоял?

– Шеф сказал, – продолжал Вадим, – пойти к тебе и вместе исследовать любой труп из сегодняшних скоропостижно скончавшихся.

– Вдвоём? Зачем?

– Затем, что есть приказ, который говорит, что в случае сложности экспертного исследования...

– Про приказ посетителям втирай. Какая там сложность?

Он вытаращился на меня, словно на чудо-юдо.

– Ты где была всё это время?

– Работала, если ты не заметил.

– А. Ну да. Ты работала, а мы тут так, мимо пробегали. Оторви голову от бумажек и посмотри по сторонам.

Это верно, когда я о чём-то думаю, ничего вокруг не вижу. Сколько обиженных знакомых пришлось утешать – мол, не специально мимо с каменной мордой прошла, просто задумалась, – не перечить. Я огляделась. Присвистнула. То, что холодильников не хватает, – не новость, тех, кто не помещается, оставляют в секционном зале. Но столько? После десятидневных новогодне-алкогольных марафонов и то меньше бывает. Между столами, пожалуй, не пройдёшь, не наступив.

– Пойдём, ещё кое-что покажу.

Вадим деловито зашагал в соседнее крыло, туда, где детские прозекторы. Игнорируя вопросы, подвёл к двери трупохранилища. Что может быть такого сверхъестественного в холодильнике? Это только в ужастиках оттуда периодически мертвецы вылезают, а у нас трупы тихие. Вадим распахнул дверь, изобразил галантно-дурашливый жест. Так, похоже, к спирту он не просто приложился. Я шагнула внутрь и вцепилась в косяк.

– Корвалол налить? – поинтересовался Вадим. Голос звучал как будто сквозь вату.

– Откуда столько?

Зрелище наводило на мысли о Вифлееме первого года нашей эры.

– Откуда... Соседний квартал, три садика и одна школа.

– Выброс что ли какой? Так и нас бы накрыло.

– Не знаю. Никто не знает. Я тут одним глазком в интернет глянул – пишут, что дети до трёх лет почти все. Врут, наверное. На то он и интернет, чтобы из мухи слона сделать. Но то, что много... – он придержал меня под локоть, повторил: – Корвалол налить? У меня в кармане лежит.

– Ещё бы валерьянки предложил, – я отступила, закрывая дверь. – Только я не детский прозектор.

Водки бы сюда. Много. Кирюша, значит, всего лишь один из... сотен? Тысяч? Сколько детей до трёх лет в городе с населением в семьсот тысяч? Думать об этом не получалось.

– Так я тоже. Нет, нам взрослых хватит. Скоропостижно скончался – и никто ни хрена не понимает. Поэтому шеф сказал вдвоём. У меня глаз не замылен, а ты патологически дотошна. Может, и углядим что. Не углядим – позовём шефа, пусть сам смотрит.

На самом деле таких разинь, как я, стоит поискать. Муж давно не удивляется, обнаружив ключи от дома в холодильнике или посолённый чай. Именно поэтому на работе я пунктуальна до невозможности – знаю, что если отступлю от правил, непременно забуду что-нибудь существенное.

– Токсикологию на цито послали?

– Естественно. И гистологию тоже по «цито». Только пока результата нет.

Действительно, чего я тут из себя самую умную строю. Анализ крови на содержание токсических веществ – рутинная процедура. Если, как выразился Вадим «никто ни хрена не понимает», логично сделать анализ экстренно. Гистология быстро не придёт, готовить препарат – не один день, но кое-что тоже посмотреть можно.

– А детские прозекторы что говорят? – мы вернулись в секционный зал, я начала натягивать перчатки.

– Пока пишут «СВДС». И тоже ждут лабораторию.

Синдром внезапной детской смерти, значит. Когда причины вроде бы нет, а младенец – мёртвый. Только обычно его ставят у детей первого года... Похоже, педиатры тоже ничего не понимают.

– Этот, – указал Вадим.

– Хорошо. Поехали.

Через два часа – копались очень дотошно, обычно вскрытие проходит куда быстрее – молча уставились друг на друга. Говорить, в общем, было не о чем.

– Зови шефа. Пусть сам смотрит.

Потому что я окончательно перестала что-либо понимать. Ну, полуатрофичные мышцы коренного горожанина, тяжелее сумки с продуктами ничего не носившего и дальше стоянки не ходившего. Ну, грязные легкие, которыми обычно пугают на плакатах о вреде курения, – а на самом деле неременный атрибут всё того же горожанина: автомобильные выхлопы, ТЭЦ и заводы никому на пользу не идут. Атеросклероз, не слишком, впрочем, выраженный. Признаки хронического гастрита. Если брать в целом – классический пример того, что нет здоровых, есть недообследованные. Но таких, как этот мужчина – каждый второй вполне себе живой человек. Так какого ж рожна этот – неживой? Кроме стандартных признаков быстро наступившей смерти, ровным счётом не к чему прицепиться.

Шеф пришел. Выглядел он так, что впору и ему корвалол предлагать.

– Значит, пишем острую коронарную недостаточность, – сказал шеф, выслушав наше не слишком внятное бурчание. – Предварительно. И ждём, когда препараты будут готовы, может, там что увидим.

– А что, токсикология пришла?

Конкретно этого трупа – вряд ли, но он не один такой – вон, все столы заняты, очередь ожидающих вскрытия подвинули.

– Пришла. Чисто.

Шеф вздохнул.

– Всё суета сует. Всё тщета и ловля ветра. У меня коньяк есть. Пойдём, помянем Ниночку мою.

– Внучка? – ахнула я. – И у вас?

– И у меня.

Потом было ещё несколько трупов, заключения по которым можно было писать под копирку, наскоро сделанные гистологические препараты, в которых тоже не нашлось ровным счётом ничего, за что можно было бы зацепиться. Разве что легкий отёк коры мозга – и то, если сильно придираешься, пытаешься найти хоть что-то. Потом путь пешком через опустевший город – прохожих почти не было видно, битые машины, сошедший с рельсов и влетевший в столб трамвай, оборванные провода на земле. Заплаканная продавщица в малюсеньком мага-

зинчике, где я купила две бутылки водки, сигареты и палку вареной колбасы. Полбутылки я влила в рыдающую Аню, к которой не могла не зайти. Этого хватило, чтобы подруга уснула, – много ли надо женщине, которая и раньше почти не пила, а с начала беременности и вовсе стала абсолютной трезвенницей.

Потом была дорога домой – всего-то два квартала, недолго. Подъезд, наполненный разно-голосым воем: нынешние дома совершенно не звукопроницаемые. Я через ступеньку взлетела на наш восьмой этаж, ждать лифт не было сил. Плевать, что воздуха не хватает, быстрее закрыться дома ото всех. Вздогнула, услышав, что из-за соседней двери несётся все тот же надрывный бабий вой. С соседкой мы не то чтобы дружили: порой стреляли друг у друга соль и спички, порой сплетничали, оказавшись в одном лифте. Надо бы зайти. Я на миг прислонилась лбом к двери. Не могу. Вот просто не могу и всё. Позже.

Сбросив обувь, я первым делом рванула к компьютеру. Наушники в моем плеере совершенно не глушат окружающие звуки, а вот для компьютера Ив купил какие-то навороченные, с супер-пупер звучанием, беспроводные. И – что самое главное – позволяющие совершенно отрешиться от мира. Я забросила всю папку с музыкой в проигрыватель – выбирать тоже не было сил – и пошла на кухню. В интернет не полезу. Днём выглянула было с кафедрального компа. Хватило меня на четверть часа.

Ив чего-то задерживается. Может, и хорошо – на кухне шаром покати. Что бы ни случилось в мире, хоть ядерная война, хоть Армагеддон, но пришедший с работы муж должен быть накормлен. Готовить, правда, совершенно не хотелось, но на такой случай заначка есть. Я вытряхнула из морозилки двухлитровый контейнер с замороженным бульоном и второй – с заправкой для борща, свалила два ледяных куба в кастрюлю. Дождаться, когда закипит, и супружеский долг на сегодня можно считать выполненным.

Пока лёд превращался в суп, я уничтожила остатки колбасы. Вот теперь можно и выпить. Ива ждать не буду – непонятно, когда вернётся. У них, наверное, тоже в больнице веселье через край бьёт. Сколько посмертных эпикризов он напишет сегодня? Спрашивать не стану, сам расскажет, когда придёт. Или не расскажет. У каждого врача есть кладбище, которое он носит в душе всю жизнь. И никакой цинизм от этого не спасает. Поэтому незачем расспрашивать.

Я распахнула окно, уселась на подоконнике с ногами, прислонившись спиной к откосу. Дом кирпичный, стены толстые, удобно. Высоты я не боюсь, выпасть – не выпадут, даже если упыюсь в стельку. А если и выпадут – всё равно, после сегодняшнего денька уже ничего не страшно. Налила себе водки – эх, надо было колбасу оставить. Вообще-то у нас приличный бар: мужу пациенты постоянно носят выпивку и конфеты. Что-то, что подороже и повкуснее, приносит домой. Остальное собирают всем отделением и отдают в буфет, нераспакованное. Там буфетчица берет товар за полцены, чтобы потом продать очередным благодарным пациентам. Только вот беда – водки в том баре нет, всё больше дорогие коньяки, а в меня из крепких напитков ничего кроме водки не лезет. Полторы бутылки, конечно, много на меня одну, ну да сколько войдёт. Теперь аккуратно пристроить стопку рядом с боком и закурить. И станет совсем хорошо. Сколько-то там затяжек – стопка. Почти как ИВЛ. Пятнадцать вдохов, три нажатия – так, кажется, учили раньше. Теперь – два на тридцать. Впрочем, какая разница, если всё равно толку никакого.

*Бреду по воде, а рядом гуляют рыбы.
Влажно блестят портфелями и чешуей.
Рыбы умеют делать карьеру, по крайней мере, могли бы.
А такие, как я, занимаются полной фигней.⁹*

⁹ «П*ц-блюз», группа «Башня gowan».

И песенка в тему. Плевать, что окно открыто, и все слышат, как я горланю. Я просто не могу сидеть одна в пустой квартире и в бесконечный раз перебирать сегодняшнее. Родители живы – я позвонила обоим ещё с работы. И больше ничего хорошего.

*Мимо меня проплывает косяк макрелей.
Хрен бы с ним – плывёт себе и плывёт.
Тот не достигнет моральной цели,
Кто скажет, что я урод.
Конечно, урод.*

Я раздавила окурок в опустевшей стопке, развернулась, спустив ноги в кухню. И увидела совершенно квадратные глаза мужа.

Ну, конечно. В мои привычки не входит сидеть на подоконнике, дымить прямо в квартире и надираться в одиночестве.

- Есть повод?
- Дверь закрой, – сказала я, слезая с подоконника. – Дым в комнаты пойдёт.
- Да там и так топор вешать можно, – впрочем, дверь он всё-таки прикрыл.
- Голодный?

Глупый вопрос: когда мужчина приползает с работы... ничего себе, десятый час! Словом, когда мужчина приползает с работы черт-те во сколько, причём у него на лице написано, что именно с работы, а не с дружеских посиделок или от бабы, и день был не фонтан, сытым он не бывает. Но ритуалы никогда не отличаются разумностью, а эта фраза давно уже ритуал.

- Голодный.

Я поставила на стол тарелку борща, хлеб и сметану. Вытащила из шкафа вторую стопку и водрузила рядом бутылку с остатками водки. Захочет – выпьет.

Ив замахнул стопку и тут же налил ещё. Да, похоже, и у него денек выдался исключительно нескучный.

- Сама чего не ешь?
- Только что, – я устроилась напротив. Давненько мы вместе за столом не сидели: завтракаем порознь, потому что встаём в разное время, обедаем на работе, если обедаем. Ужинаем опять по отдельности: обычно я подаю ужин и ухожу за компьютер. Семейная идиллия, чтоб её.
- Так какой повод?

Вот же настырный. Рассказывать долго и не очень-то хочется. Хочется сидеть на подоконнике, смотреть в небо, слушать музыку и курить. И не думать. Вообще. А муж, похоже, хотел пообщаться.

- Сколько к вам сегодня доехало?
- Не считала. Много. А повод... Праздную своё бесплодие.

Интересно, знает ли Иван про тот аборт? Говорить я ему не говорила, но поговорка про шило и мешок никогда не перестанет быть актуальной. До сих пор не знаю, как мы тогда прокололись, предохранялись ведь. Статистика, черт бы её побрал. А когда я поняла, что это не просто задержка, и высчитала срок родов, то почти и не колебалась. Рожать в самый разгар сессии? Может, и есть такие камикадзе, но не я, спасибо. Да и вообще, тогда я не думала не только о ребёнке, но и о замужестве. Конфетно-букетный период наших с Ивом отношений только-только перешёл в постельный – и на тебе. Решение тогда казалось очевидным. Ивану я ничего не сказала: какой смысл что-то обсуждать, если и отдуваться при любом раскладе мне. То, что ничего не проходит даром, стало ясно позже: когда мы более-менее встали на ноги и решили, что можно и родить.

- То есть?
- Если бы я смогла забеременеть, сегодня бы мы оплакивали нашего ребёнка.

Оказалось, про детей Иван не слышал. Новость эта мужа, похоже, окончательно добила. Тут и одних взрослых-то хватит для того, чтобы захотеть напиться и забыться. Так что он приналёг на водку, старательно догоняя уже изрядно косую меня.

– Ив, ты клинику видел? У нас женщина умерла, из посетителей. Те, кто был рядом, говорят – стояла и просто упала.

– Видел. – Он снова замахнул стопку, уже не закусывая. – Так и есть. Не было клиники. Зрачки огромные стали – и обмякла.

Я начала скатывать хлебные шарики.

– Зрачки – сам по себе не патогномоничный признак. Гибель коры.

Он кивнул.

– А по твоей части что?

– Да в том и дело, что ничего. Налей-ка мне тоже...

Какое завтра будет похмелье... Ну и чёрт с ним.

Иван потребовал подробное описание этого «ничего», я честно пересказала.

– Если хочешь, поехали, проведу на работу, препараты вместе посмотрим.

– Издеваешься? Я сейчас аппендикс от маточной трубы на препарате не отличу, – хмыкнул он. – Узкий специалист подобен флюсу.

Шарики на столе складывались в пирамидку. Этак весь хлеб переведу.

– Если бы дело было в голливудском боевике, я сказала бы, что проблема в каком-то излучении. Интенсивности достаточной, чтобы убить мозг. Отсюда и отёк в коре, минимальный, потому что воздействие молниеносное. Вот тебе и никакой клиники. И никаких морфологических проявлений.

– Злобные инопланетяне с излучателями? – Иван поставил на пол пустую бутылку водки и поднялся к бару. – Коньяк будешь?

– Знаешь же, не люблю. А ты пей, если хочешь.

Он кивнул, вернулся за стол.

– Бред сивой кобылы в тёмную сентябрьскую ночь, – сказала я.

– Инопланетяне, разумеется, бред. Как и излучение. Но, с другой стороны, если разумных объяснений нет, остаются неразумные. Излучение, по крайней мере, выглядит логичней, чем вирус с геморрагическими осложнениями.

– Да какой в пень вирус? Он даже при молниеносном течении морфологию даст. На препаратах что-то будет видно в зависимости от типа, – я махнула рукой. – Впрочем, чего азбучные истины пересказывать... Сам знаешь, не маленький.

– Минздраву это скажи.

– Идиоты. Зомбоящик включим? Мне в такой маразм поверить трудно.

Мы перебрались в гостиную: Ив не забыл прихватить недопитый коньяк. Минут пять я потратила, разыскивая пульт от телевизора, – как засунула куда-то месяц назад, когда кино вместе смотрели, так и забыла. Новостные выпуски на всех каналах оказались похожими, точно близнецы: нет причин для паники, слухи о количестве жертв сильно преувеличены, всего лишь новая форма гриппа с тяжёлым течением, пейте, дети, корвалол, будете здоровы.

– Спите, жители Багдада, всё спокойно, – прокомментировала я выступление министра здравоохранения. – Хоть бы не позорилась, дура, в одну группу элеутерококк с арбидолом мешая.

– А они и есть одна группа: препараты с недоказанной эффективностью, – фыркнул Ив, опустошая очередную стопку.

Сколько ж мы вылакали за сегодня?

– Я имела в виду фармакологические группы.

– Ей-то откуда знать? Образования нет.

– Ну что ты. Экономическое, – я воздела указующий перст. – Экономисты – они ведь всё знают. И как учить, и как лечить. И что эта нынешняя ерунда – грипп с геморрагическими осложнениями. Беда, коль пироги начнёт печи сапожник...

– А сапоги тачать пирожник, – подхватил муж, выключая телевизор. – Классика. Двести лет прошло, а ничего не изменилось. Две вещи бесконечны: вселенная и человеческая глупость, – Ив пожал плечами. – Убедилась? Вернёмся к нашим инопланетянам.

– Это твои инопланетяне. Я говорила об излучении.

– Хорошо. Я тоже об излучении. Гипотеза прекрасно объясняет характер детской смертности: чем меньше возраст, тем меньше устойчивость к внешним воздействиям.

– И ни черта не объясняет расклад у взрослых. Что это за излучение может быть, если куча народа перемерла, а кто-то рядом и не почувствовал ничего?

– Ну, это хоть какое-то объяснение. Потому что иначе придётся сказать, что господь Бог ткнул наугад пальцем, и кто-то умер. А кто-то нет.

– Или не Бог.

– Или не Бог. – Согласился Ив. – Или не наугад.

– Нет, я не вижу ни одного признака, позволяющего как-то объединить умерших: перебрала все, вплоть до группы крови. Ни-че-го. Разве что у детей какой-то градиент по возрасту.

– А на форум ваш ты ходила? Может, коллеги что нарыли?

– Нет. – Я поднялась, намереваясь включить компьютер.

– Возьми ноут, неудобно из-за спины заглядывать.

Мы разлеглись на ковре, плечом к плечу, уткнувшись носами в монитор. На форуме судебно-медицинских экспертов тема про сегодняшние события нашлась, понаписать там успели не один десяток страниц. Но содержание их сводилось всё к тому же: никто ничего не понимает. Смерти произошли примерно в одно и то же время по всей стране... точнее, по всему земному шару. Если учесть поправку на часовые пояса, выходило, что миллионы людей умерли практически в один миг.

– Не катит излучение, – сказала я. – Чтобы весь шарик разом накрыло?

– Как раз катит. Только не скользить по поверхности, как солнечный луч, а пройти Землю насквозь. Одномоментно. Звезда там взорвалась или что ещё в этом роде.

– Сам-то себе веришь?

– Нет. Интересная была гипотеза, жалко. А на буржуйских сайтах?

В англоязычном интернете тоже не нашлось ничего нового. Разве что там официальные лица не пытались сделать хорошую мину при плохой игре. В большинстве стран объявили чрезвычайное положение. Ведутся исследования, причины происшедшего выясняются. Судя по тому, что в последующее время необъяснимых смертей не произошло, повторения странной «эпидемии» не ожидается. Тем не менее, медицинские службы приведены в состояние повышенной готовности и так далее, и тому подобное. Даже если кто-то и пытался собрать какую-то статистику, информации в свободном доступе не нашлось.

– Глухо, – резюмировал Ив. – Пошли спать, завтра на работу.

– Сейчас, ещё ЖЖ гляну.

По-хорошему, надо бы не в «Живой журнал» лезть, а друзей обзванивать. Но... Останавливал тот же страх, из-за которого я не зашла к соседке. Хватило увиденного и услышанного на работе. И Ани с Кирюшей. В очередной раз почувствовать, что происходящее касается не только каких-то там чужих людей, но и меня лично, оказалось слишком страшно. И профессиональный цинизм не спасал. Да и нет его, пресловутого профессионального цинизма, есть лишь не слишком крепко сработанный щит, прикрывающий душу. От стрел, может, ещё сгодится, пулю не удержит, а уж бомбу вроде сегодняшней... Алкоголь, конечно, анестетик, но не всесилен. Я всё-таки потянулась было к мобильному – набрав первый же номер, увидела надпись «сеть перегружена», и, неприлично обрадовавшись, отложила в сторону. Домашний

телефон мы давно отключили за ненадобностью: в век, когда мобильники есть даже у детей, городская телефонная сеть выглядит сущим атавизмом, а плату требует регулярно. Не судьба, значит, сегодня. Завтра. А пока – френд-лента.

Терпеть не могу кальки с английского, предпочитая перевод, но «лента друзей» всё же не то. Кто-то и вправду стал другом за несколько лет, кто-то перешёл в разряд хороших приятелей, а кто так и остался пикселями на мониторе. Слухи в сети расходятся мгновенно, куда там пресловутым завалинкам. Может, и мелькнёт что-то дельное. Надежда умирает последней.

И в жутких мучениях.

Потому что кроме единичных постов «я живой» и нескольких «в ближайшее время в сети не буду, занимаюсь похоронами» разумного в ленте не нашлось. Крики о том, что всё это было предсказано то ли Нострадамусом, то ли Вангой, – во мнениях присутствующие не сошлись. Конспирологические идеи разного толка: новый вирус, запущенный злобной военщиной, новый излучатель от той же злобной военщины, происки жидомасонов, нашедших способ истребить русский народ. Побочный эффект большого адронного коллайдера. Космическое излучение. Облако космической пыли. Инопланетяне с излучателями (дочитав до этого места, я начала истерически хохотать), то ли испытывающие новое оружие против землян, то ли таким образом изучающие землян. На этом фоне набившие оскомину цитаты из Иоанна Богослова с многострадальной звездой Полынь и печатью дьявола, без которой никто не может ни продавать, ни покупать, казались такими родными, что впору прослезиться. А редкие упоминания официальной версии и вовсе выглядели светочем разума.

– Дурдом, – сказала я сама себе и захлопнула крышку ноутбука. – Ив, ты спишь?

– Нет ещё.

Муж вернулся в комнату.

– Начиталась?

– Ага, – я поднялась, потирая поясницу: затекает, когда на животе читаю. – Темна вода во облацех. И хоть бы одна зараза честно написала: ни черта не понимаю, может, со временем разъяснится.

– Давай я это напишу. Даже зарегистрируюсь ради такого дела. Ерундой занимаемся: переливаем из пустого в порожнее, – он по-хозяйски ухватил меня за задницу. – Пошли спать.

– Спать или спать? – поинтересовалась я. Судя по выражению лица, просто упасть и уснуть муж не планировал. Что ж, почему бы и нет?

– Спать, – Ив снова хлопнул по попе и занялся грудью. – И спать. Вперёд, на полу неудобно.

Вперёд так вперёд.

Отмотать бы время назад, в тот миг, когда секс превратился в супружеский долг. Так разве упомнишь? Сперва сами всё гробим, потом сами рыдаем. А сейчас можно предсказать всё, что случится в следующие полчаса до последнего вздоха. Поцелуй... Одежда... нет, не летит, как когда-то, – сползает на пол. Губы... грудь, ниже... ещё ниже. Теперь моя очередь. Скользнуть губами по животу, вниз, обвести языком головку, забирая в себя, ещё и ещё, пока ладони мужа не толкнут легонько плечи, отстраняя. Принять, качнуться навстречу, поймать ритм. Вперёд-назад, вперёд-назад, туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно... тьфу, что за чушь в голову лезет. Успею? Не успею. Ив всегда был хорошим любовником, но когда, подходя к пику, начинаешь размышлять о том, что ложиться в постель с мужчиной, который спит с другой, примерно так же приятно, как садиться голой задницей в общественном туалете... Вот теперь точно не успею, можно расслабиться и получать удовольствие. Вздрогнул, несколько неровных движений, замер. Всё.

– Было?

А если я скажу нет, что тогда? Будем вымучивать оргазм? Да-ёшь ор-газм, шай-бу, шай-бу... А пошло оно всё. Коньяк, что ли, добить?

– Ага. Мыться пойду.

«Do you believe in life after love¹⁰», – крутилось в голове. И чего эта песня привязалась, я же не слушаю Шер?

Холодная ванна под ногами, слишком горячая поначалу струя душа. Что-то плохо стал регулироваться, надо смеситель менять. Доделать, что ли, то, что Ив не закончил? Руки есть, душ есть, дел на пол минуты. Не буду. Не хочу. Не сегодня.

Я свернулась на дне ванны и расплакалась.

¹⁰ Веришь ли ты в жизнь после любви?

Глава 3

Утро добрым не бывает. Добравшись до работы, я поняла это особенно отчётливо. К тому, что «койко-мест» в холодильнике не хватает, не привыкать: когда строили морг, людей в городе жило раза в два меньше, чем сейчас. К трупам на полу секционного зала тоже – а куда их девать, если в холодильник не влезают, а столы нужны для работы. Но когда окрестности служебного входа напоминают батальное полотно, становится немного не по себе. Труповозка, что подъехала прямо передо мной, оказалась забита чуть ли не доверху и санитары сбились с ног, не успевая оформлять и заносить покойников. А уж когда я, переодевшись, зашла в секционный зал...

– Доброе утро, Мария, – шеф невозмутимо, словно бы не услышав мою тираду, повернул голову. – Полностью разделяю твоё мнение.

Шеф у секционного стола – редкое явление. Обычно он занимается только сложными вещами. Вроде того случая, когда мужчину намотало на вал, и мы всем бюро соображали, как же описать то, что нам привезли.

– Сколько?

– Когда меня вызвали... где-то около полуночи, навезли под две сотни. К утру прибавилось. Я написал докладную с просьбой не проводить судебно-медицинское исследование вчерашних «скоропостижно скончавшихся», но ответа пока нет. Трупы везут.

Я снова прочувствованно выругалась. Если учесть, что обычно у нас выходит два-три трупа на одного эксперта за смену, объёмы предстоящей работы впечатляли.

– Мария, – в голосе шефа мелькнуло неодобрение. – Будучи солидарен по существу вопроса, осмелюсь напомнить: ты всё-таки леди.

– Леди не потрошат трупы, – хмыкнула я. – Не знаете, сколько всего?

– Наши статистику пока не дали. Зарубежная тоже пока собрана не слишком хорошо, думаю, точных цифр раньше, чем через месяц, не дождёмся, если дождёмся вообще. То, что есть, варьирует по городам, но в целом получается пятнадцать-двадцать процентов взрослого населения. Плюс дети – среди них однозначно выживших меньше умерших.

– Сколько-сколько? – выдохнула я.

Шеф подхватил под локоть.

– Маша?

– Сейчас, – я отстранилась. – Все нормально.

Всё просто замечательно. Только вот дышать темно и воздуха не видно. Я опустила на корточки, сцепив руки на затылке, – преодолевая сопротивление мышц, разогнула шею. Быстрый и надёжный способ обеспечить прилив крови к мозгу, чтобы избежать обморока. Пару раз приходилось пользоваться. Если уж дожила до своих лет, ни разу не уподобившись изнеженной барышне былых времен, то и начинать не стоит. Медленно выпрямилась.

– Это десятки тысяч только в нашем городе.

– Да. Присядешь?

– Нет. Всё нормально, – повторила, как заведённая. – Все... нормально...

Осмыслить это было невозможно.

– Шеф, – сказала я, на миг забывшись. – Прошу прощения. Олег Афанасьевич...

– Да ладно, чего уж там, – усмехнулся он. – Как будто я не знаю, как вы меня зовёте.

– Прошу прощения... вы ничего не перепутали?

– Я бы очень хотел перепутать. Нет. Можно понадеяться, что у нас, как всегда, всё не как у людей, и статистика окажется другой. Но, судя по тому, что я услышал, сделав несколько звонков... Боюсь, как бы на самом деле всё не оказалось ещё хуже.

– Ясно. О причинах что-то говорят?

– Пишем «острая коронарная недостаточность» плюс сопутствующим – грипп.

– Ох ты ж ёпрст, – я осеклась, вспомнив замечание про «леди». Какая я леди, к чертям собачьим? Оно и к лучшему, леди – создания прекрасные, но исключительно декоративные. Тем не менее, выслушивать очередной выговор не хотелось.

– Мария, мы же взрослые люди. Всё понятно, чего уж там.

– Угу, – буркнула я. – Противно.

Шеф промолчал. Я сняла с вешалки пластиковый фартук.

– Олег Афанасьевич, а где все?

Он взглянул на часы, такие же стерильно-белые, как и кафель, на котором они повешены.

– Ещё десять минут до начала рабочего дня. Один детский прозектор уже работает, там, в соседнем крыле. Санитары тоже работают. Сейчас новых примут – будут одевать и укладывать тех, что я ночью вскрыл.

– Вы не ложились?

– Хоть какая-то польза от бессонницы. Да и не могу я дома. Женщины плачут... – он вздохнул. – Двое позвонили и попросили свои законные три дня на похороны близкого родственника. Думаю, примерно к обеду они сообразят, что всё равно осмысленно заниматься похоронами нынче не выйдет.

– Почему?

– Подумай.

Я подумала. Крепкое словечко вырвалось само. Шеф сделал вид, будто не заметил.

– Если сами не приедут, я их вызову. А потом задействую свои каналы, чтобы помочь с похоронами. У тебя кто-то есть?

– Подруги сын. Четыре месяца было... Может, и без меня справится, но если что – попрошу помощи.

– Хорошо, буду иметь в виду. Докладную, как я уже говорил, написал, но не уверен, что подействует. Трупы везут. Согласно закону, к нам должны привезти всех, а мы должны всех исследовать. Так что придётся как-то справляться с этим потоком.

И с ворохом бумажек, сопровождающих этот поток. Похоже, надо будет здесь поселиться. Формально сроки проведения судебной экспертизы не ограничены, определено лишь, что в течение суток после установления причины смерти должно быть выписано свидетельство, а тело выдано родственникам. Но во что превратятся все эти трупы без холодильника через неделю... если родственники покойных не возьмут нас штурмом до того.

– Вадим скоро должен студентов подогнать, – продолжал шеф. – Какая-никакая, а помощь. И придётся поработать сверхурочно.

– Да я уж поняла, – пробурчала я. – Чувствую, в ближайшее время от скуки мы не умрём.

Студентов оказалось трое. Маловато, но, учитывая вчерашний денёк, удивительно, что и эти до кафедры доехали. Вадим вскрывал труп, подробно объясняя, что к чему, студенты жались друг к другу, почти не задавая вопросов. Странно. Обычно к пятому курсу народу море по колено, а сфотографироваться с органомкомплексом в руках едва ли не дело чести – будет чем шокировать приятелей. То ли события, напоминающие дурдом, подействовали, то ли трупов многовато для неподготовленной психики. Впрочем, мне-то что за дело? Своих забот хватает.

Я как раз закончила с описанием, когда Вадим подвёл длиннющего парня с рыжими вихрами, торчащими из-под колпака.

– Вот тебе подмога. Отпустить я их должен в одиннадцать пятьдесят.

– Ясно, – я перевела взгляд на студента. – Как зовут?

– Вася.

– «Вася», – передразнила я. – Вы доктор, привыкайте. Василий?..

– Иванович.

Да уж, повезло парню. У родителей явно было извращённое чувство юмора. Тем не менее.

– Лечебник?

– Да.

– Я так понимаю, Василий Иванович, теорию вы знаете. Того, что сейчас показал преподаватель, вам хватит для самостоятельной работы или лучше повторить?

– Лучше повторить.

– Хорошо. Давайте так: я работаю, вы рассказываете, что видите и как бы писали протокол. Ошибётесь – поправлю. После этого, пока я работаю со следующим, вы заполняете документы. Я проверяю то, что написали, и пока пишу новый акт, вы вскрываете следующего и описываете. Будут вопросы – зовёте меня. Понятно?

Он кивнул.

– Вот и славно, – я глянула на его руки, поморщилась. – Перчатки у вас дрянь, возьмите нормальные вон в той коробке, и приступим.

Студент оказался толковым, вскрытие провёл честь по чести. Медленно, правда, пока он с одним возился, я с двумя управилась, но всё помощь.

– А можно я останусь? – спросил он, глядя на часы. – У нас потом лекции по социальной медицине и стоматологии. Скука смертная.

– Здесь веселее, что ли?

– Здесь я помочь могу, а не дрыхнуть две пары. Видно ведь, что рук не хватает.

– Пусть остаётся, – вмешался шеф. – Работы, и правда, непочатый край.

Что ж, пусть остаётся. Хотя по большому счёту наши усилия сейчас можно сравнить с попыткой вычерпать океан чайной ложной. Тридцать-сорок минут на труп, ещё двадцать – на оформление акта, ту его часть, что можно написать, не дожидаясь лабораторных исследований. Итого – если шеф не пробыёт разрешение не вскрывать вчерашних, через несколько дней мы будем завалены подгнивающими трупами. А то, что пробыёт, – сомнительно. Чиновники от медицины руководствуются не здравым смыслом, а некими высшими соображениями. Например, «как бы чего не вышло» или «задница у меня одна». Теоретически, они правы, под шумок можно много чего наворотить. «Приспать» ненужного ребенка. Помочь зажившейся на этом свете бабушке покинуть бранный мир, чтобы освободить жилплощадь. Раз и навсегда решить проблему с надоевшим супругом так, чтобы не делить совместно нажитое имущество. Но никакие высшие соображения не изменят главного: исследовать все тела мы не в состоянии. И при таком темпе работы, как сегодня, проглядеть причину смерти – раз плюнуть.

– Мы тоже останемся, – вмешалась девушка. – Какая уж тут стоматология.

Шеф глянул на часы.

– Хорошо. Только, доктора, не обижайтесь, но сперва побудете на побегушках. Сейчас мы скинемся, смотаетесь в магазин, тут через квартал. Поднимемся на кафедру, пообедаете с нами. Потом продолжим работать.

– Война войной, а обед по расписанию? – хмыкнула девушка.

– Да. Если хочешь, чтобы мозг служил тебе верой и правдой, его нужно кормить. Тем более, когда война.

Пока студенты бегали, я звякнула Иву, предупредила, чтобы домой не ждал. Душ в здании есть, переночевать можно на кафедре. Судя по тому, что я слышала краем уха во время работы, ни шеф, ни Вадим домой тоже не собирались. Тем более что шеф обещал доплату за сверхурочные часы. Если обещал, значит, сделает всё честь по чести.

Трупы везли. Милиция, похоже, додумалась до «оптимизации». Вместо того чтобы выезжать на каждый труп по очереди, везти к нам и возвращаться обратно, сортировала вызовы по домам и загружала машину сразу и до победного. «Скорой» не было ни разу – видимо, им не до трупов, разгребают вызовы, а то, что их должно быть много, – несомненно.

Муж тоже не собирался сегодня ночевать дома. А может, и не только сегодня. К ним тоже везли и везли, вчера – пострадавших в авариях, возникших из-за внезапной смерти водите-

лей. Сегодня – тех, кого не довезли вчера, плюс обычный контингент. Человеческому телу не прикажешь отменить острый аппендицит из-за того, что вокруг дурдом. В общем, Иву оставалось только посочувствовать: живые больные бывают крайне невыносимы, а когда их очевидно больше возможностей врача – невыносимы вдвойне.

Ближе к вечеру – студентов мы уже отпустили, но официальный рабочий день ещё не закончился – позвонила Аня. Попросила взаймы. На похороны. Ничего странного, погребение – удовольствие дорогое, даже если экономить. А с тех пор, как отец её ребенка растворился в неясных далях, с деньгами у Ани было не очень. Не голодали, но и не шиковали особо, а уж откладывать на чёрный день и вовсе не получалось.

– Маш, они только за гроб просят пятьдесят тысяч.

– Сколько? Ты что, собираешься заказать гроб красного дерева с наворотами?

Бестактно, конечно, так говорить, и похороны близкого – личное дело. Но...

– Нет. Говорят, это самый простой. – Она всхлипнула. – Маш, я бы продала что-нибудь, но нечего...

– Гони их в шею. Самый простой гроб столько стоять не может. Что за агентство?

– Не знаю. Позвонили сегодня с утра, говорят, мы знаем, что у вас горе, поможем... Маш, думаешь, мошенники? Откуда они знают?

Может, и не мошенники. У ребят из ритуальных агентств прикормленные люди везде. Начмед поликлиники, подписывающий свидетельства о смерти. Или поменьше сошка, через которую проходят подобного рода документы. Человек в милиции, знающий, куда сегодня выезжали на трупы. Вариантов много, не согласится один – найдут другого. Тем более, что чаще всего соглашаются: на то, что платит государство, сыт не будешь, а тут копеечка, и вроде как ничего дурного не делаешь. Родственники и впрямь частенько растеряны, совершенно не зная, куда обращаться.

– Они и визитку оставили. И прайс-лист, тут телефоны есть, – она назвала номер.

Номер я не знала, но посмотреть список недолго. Так или иначе, с нами работают все агентства, что есть в городе. Или мы с ними, не разберёшь. В наши обязанности входит установить причину смерти и выдать тело, обмытое, одетое и в гробу, причем гроб предоставляют родственники. Вот тут-то и подключаются ритуальное агентство. Вообще-то при нашем бюро конторка работает, где все мы на полставки числимся, – в подготовке тела к погребению есть нюансы, для решения которых существует отдельный прейскурант. Мало кто хочет, чтобы близкий, погибший, скажем, в ДТП, лежал в гробу с месивом вместо половины лица. Или начал разлагаться, не дотянув до похорон. Или... да мало ли, этих нюансов? Словом, мы получаем приличную прибавку к зарплате, ритуальщики – свою прибыль, государство – налоги, родственники – покойника в лучшем виде. Все довольны. Но поскольку иногда родственники заказывают гроб в «левом» агентстве – все их мы, так или иначе, знаем. Телефон был настоящий. Агентство при кладбище. Я перезвонила Ане, посоветовала договариваться с ними о месте на кладбище, катафалке и прочем, а с гробом я разберусь.

У двери, ведущей в помещения ритуальщиков, стояла толпа. В том самом состоянии озверевшей очереди, знакомом всякому хоть раз бывавшему в присутственных местах. Я сунулась было внутрь, дорогу тут же преградила тётка в черном.

– Куда?

– По делу – я попыталась обойти, но баба встала насмерть.

– По какому?

– По важному.

– Все стоят – и ты постоишь. Нашлись, тоже, белые люди.

– Постою, – кивнула я. – С превеликим удовольствием, отдохну хоть. Только скажите на милость, пока я тут стою, кто будет вашими покойниками заниматься? Пушкин? Или свидетельства о смерти сами напишутся?

Это в деревне на самый крайний случай покойника можно за оградой кладбища похоронить, а то и вовсе в саду закопать. В городе без бумажки никуда не денешься.

– Быстро только, – проворчала тётка, отступая.

Я шагнула внутрь, в комнатуху, оборудованную под лавку, протолкалась к прайс-листу, судя по виду – только сегодня приклеенному вместо старого, присвистнула. Ай, молодцы, до чего быстро сообразили! Препираться с огрызающимся продавцом бесполезно, он ничего не решает, продавать директора я, наверное, не сумею. Вот ведь незадача: столько народа перемерло, а всякая дрянь жива-живехонька. Придётся к шефу обращаться. Обещал помочь, значит, сделает. Рычаги для того, чтобы надавить на агентство, у него есть.

Шеф был в кабинете, как и все наши, собравшиеся попить чайку и отдышаться. Там же оказались те двое, что брали выходные для похорон.

– С гробами я решу, – сказал шеф. – С транспортом сложнее: катафалк у них всего один. Кто платит, тот и заказывает музыку.

– Скинемся, грузовик арендуем, – отмахнулся коллега. – С могильщиками что делать? Техники копать не хватает, вручную разве? Ни за какие деньги договориться невозможно, я пробовал.

Шеф кивнул.

– Я думал, дворника-таджика попрошу друзей подогнать. А он тоже...

– Сами выроем, – вмешалась я. – Вас здесь двое взрослых сильных мужчин...

– Почему двое? А я? – вскинулся Вадим.

– Обижаешь, Мария.

– Прошу прощения. Четверо сильных мужчин, ну и я в деревне выросла, лопатой махать умею. Выроем. Только, Олег Афanasьевич, при всем уважении...

– Действительно, – снова подал голос Вадим. – Не надо вам. Всё-таки руководитель руководить должен, а не ямы рыть.

– Так и скажите: стар стал да немощен, – шеф, поморщившись, потёр левое плечо. – Спорить не буду. Поможете?

Мы нестройным хором подтвердили: поможем.

Шеф заночевал в кабинете, комнатуху дежурного эксперта – всё равно ночь по городу мотаться – уступили мне, мужчины устроились в помещениях кафедры, сдвинув столы в классе. Сколько спала – не засекала, отключилась, не раздеваясь, и проснулась, когда совершенно зелёный дежурный эксперт зашёл в комнату. Из краткой, несвязной, но крайне эмоциональной речи кое-как удалось выудить, что хоть и ездили с милицией только на очевидный криминал, но всё равно это чересчур для одного. Особенно, если учесть, что среди милиционеров треть личного состава выкосило.

– Брешешь, – не удержалась я.

– Они так говорят. А «Скорая» вообще говорит, что у них чуть ли не половины нет.

– Брешут.

Потому что поверить в это – проще сразу застрелиться. Современный город без милиции и «Скорой»...

Шеф подтвердил – преувеличивают. Но ненамного. Так называемые помогающие службы пострадали от неведомой напасти куда сильнее, чем в среднем по популяции. Впрочем, официальной статистики до сих пор нет.

Трупы везли.

Студенты по расписанию не появились. Вадим позвонил в деканат – оказалось, старшие курсы сняли с учёбы в поликлиники и на «Скорую». Раньше так делали на пике эпидемии гриппа, и то не каждый год. Сейчас, похоже, работать действительно некому.

Судя по доносившимся из дальних помещений крикам, среди посетителей то и дело начинались скандалы. Посовещавшись, мы решили: экспертам к родственникам не ходить. Неко-

гда. Раз уж санитары в любом случае будут с ними общаться, пусть они и отдуваются. Им тоже некогда, но, по крайней мере, младший медицинский персонал имеет право сделать лицо кирпичом, мол, ничего не знаю, от меня ничего не зависит. К обеду даже непробиваемый, казалось бы, Михалыч начал смолить одну сигарету за другой и огрызаться.

Какая-то бойкая тётка умудрилась неведомым образом прорваться в секционный зал – и кулем осела у стеночки. Нячиться с ней никто не стал: положили на каталку, вывезли в помещения для посетителей и сдали на руки мужичку, назвавшемуся мужем. Тот, вместо того чтобы лупить супругу по щекам или что там делают граждане, приводя в чувство бессознательного родича, начал хватать санитаров за рукава и громким шёпотом предлагать деньги. Чтобы кого-то там, фамилию санитар не запомнил, вскрыли без очереди. Санитар послал мужичка по всем известному адресу правда, вернувшись, про предложение рассказал. Маршрут предполагаемого путешествия мы одобрили. Было дело, я и сама за такие вещи деньги брала, не стеснясь, – если уж родственникам горит похоронить тело непременно на третий день после смерти или вообще в те же сутки до восхода солнца, пусть оплачивают сверхурочную работу. Да и коллеги подобным не брезговали, если уж начистоту. Но выбирать между богом и маммоной банально не было времени. Поди найди в этом бардаке «внеочередной» труп. Тем более что все они сейчас «внеочередные».

Санитара отправили обратно, оторвать со стены прейскурант на дополнительные услуги – жаль, что поздно сообразили, надо было ещё вчера это сделать. Через полчаса после того, как сняли прайс, примчался директор агентства, размахивая пачкой квитанций. Директора вежливо послали возвращать деньги. Никто из нас не бессребреник, но некому и некогда заниматься мытьём и укладкой волос, посмертным макияжем и прочим и прочим.

– Конвейер, мать его всяко-разно, – проворчал Вадим, наблюдая, как один труп на секционном столе заменяет другой. – Я-то, дурак, думал, что все повидал.

Шеф оторвался от протокола, в который раз помассировал левое плечо. Не нравился мне этот недавно появившийся жест, совсем не нравился.

– Главное, совершенно бессмысленный. Не исследование, а профанация. Разве что статистику собрать, да и то...

– Ничего пока не слышно?

– Пока нет.

А хотела бы я покопаться в собранных результатах. Отсортировать, взять статистическую программу помощнее и попытаться выявить закономерности. Ведь не может же быть так, чтобы их не было вовсе? Что могло одномоментно убить каждого пятого, не задев тех, кто рядом, и не оставив следов? Если разберутся, что к чему, чую, напишут не одну диссертацию. Впрочем, будет ли кому писать? До тех пор, пока неизвестны причины, невозможно быть уверенным в том, что непонятное воздействие не повторится снова. И снова. И так, пока воздействовать станет не на кого.

Ещё один вопрос – только ли людей задело? На животных до сих пор никто внимания не обращал, не до них. Но если окажется, что не было ни массового падежа скота, ни заметного количества трупов диких животных, то выходит совсем странно. Дохлых кошек и собак я на улицах не видела. Значит ли это, что их нет? Надо выйти в сеть с кафедрального компьютера, поискать информацию о животных...

– Маш, тебе плохо?

– А? – нашла время про интернет думать. Работать надо.

Михалыч опёрся о стол, подавшись в мою сторону.

– Я несколько раз повторил, что всё готово, можешь работать, а ты стоишь со стеклянным взглядом и ножом в руке и молчишь.

– Задумалась, извини, – так, крышка черепа вскрыта, мозг вынут, органокомплекс подготовлен, и в самом деле можно работать. Если бы не санитары, которые делают черновую работу, возиться бы с каждым трупом вдвое дольше.

– Точно всё нормально? Я пошёл? – он мотнул головой в сторону подсобных помещений, где тела приводили в божеский вид и уносили родственникам.

– Да, спасибо.

Работаем. Там, в городе, ещё тысячи трупов, которые вот-вот начнут разлагаться. И которые нельзя похоронить без свидетельства о смерти, а свидетельство не выдадут без исследования. Невозможно вычерпать море, но придётся. Расскажи кто пару дней назад: судебный медик, вкалывающий сутками, словно врач фронтового госпиталя, – посмеялась бы от души. Сейчас было не до смеха.

Ближе к ночи шеф разогнал по домам всех, кроме дежурных, иначе, по его словам, назавтра все мы будем никуда не годны. Возражать никто не стал, даже для приличия. Всё равно трупы везли быстрее, чем мы работали.

Я ехала в полупустом – как всегда в это время – автобусе стоя, чтобы не заснуть. Радио у водителя вместо традиционного «шансона» издавало какое-то монотонное бухтение. Я прислушалась: речь патриарха. Складно говорит. Година тяжелых испытаний, благодать во Христе, утешение в вере для тех, кто остался, смирение и покаяние. И ещё много таких же выпрєнных, но на самом деле ничего не значащих слов. Не нужно мне ваше утешение, засуньте его себе куда подальше. Мне нужны силы и трезвый разум. Мне, Иву с коллегами, безымянным ментам, разрывающимся между вызовами, – нервы у людей на пределе, и там, где раньше был обычный скандал, сейчас дело доходит до убийства. Не думаю, что потерявших близких утешит прозрачное обещание лучшей доли на небесах для тех, кто ушёл. Впрочем, кто их поймёт, этих верующих. Ив называл себя православным, но на моей памяти в церкви он был от силы раза три, и то во время сессии, так что не считается. То, что людям хочется верить в справедливого всемогущего и мудрого отца, очевидно. Только боги у них выходят под стать им самим. Боги Олимпа были жестоки, эгоистичны, коварны и проявляли внимание к смертным разве что из-за нелепого каприза или похоти. И, чаще всего, то внимание смертным выходило боком. Бог ветхого завета, на мой взгляд, смахивает на параноика, начисто лишённого этических ориентиров. Добро – это когда я угоню чужих коров, зло – когда угонят у меня. Бога нового завета я откровенно не понимала. Не люблю насилия и бессилия, как сказал теперь уже классик. А то, что люди творили его именем, и вовсе выходит за пределы разумного. Верьте во что хотите. Но не лезьте со своей верой к непричастным.

– Недоговаривает Святейший Владыка, – сказала сидящая рядом женщина. – Жалеет нас, грешных. А надо бы без жалости сказать, что кара это за грехи.

Я окинула её взглядом: длинная юбка в катышках, годная разве что на половую тряпку, платок по брови. Всё понятно. Странно – молодая, не старше меня.

– А то как Господь длань карающую простёр, так сразу в церковь побежали – не протолкнуться. Раньше надо было думать.

Ну да, четырёхмесячный Кирюша, несомненно, успел нагрешить в этой жизни так, что ничего, кроме смерти, не заслужил.

– Живут в блуде, вот у них Господь детей и отобрал. Развратничают, чревоугодничают, гордыню свою тешат, а потом удивляются, что Бог покарал.

Я старательно уставилась на собственное отражение в тёмном окне. Не надо связываться с фанатиками. Не убедишь, а себе настроение испортишь.

– Вот у меня, слава Господу, все родственники живы, и у мужа. А всё потому, что праведно живём.

Очень хотелось спросить – что ж вам, таким праведным, Господь деток не дал? Или вы друг с другом не спите? Так ещё апостол Павел велел супругам не уклоняться друг от друга. Но сказала другое.

– Гордыню тешишь, сестра. Как тот фарисей, о котором Господь наш проповедовал.

Не удержалась, нервы ни к чёрту. Жри, сволочь. Со мной ты поспоришь, а с Заветом? Как ни странно, писание я знала хорошо, слишком хорошо для атеистки. Книгу, на которой выросла вся европейская культура, знать просто необходимо, иначе большая часть этой культуры пройдёт стороной. Но именно изучение первоисточника отвратило меня от веры раз и навсегда. Я не хочу верить в такого Бога.

– Сказано в писании, – продолжала я. – Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей благодарил Господа за то, что он не таков, как все остальные, пришедшие в храм.

Память у меня хорошая: первые три курса мединститута разовьют прекрасную память у кого угодно. Жаль только, застревает в ней большей частью ненужная дрянь, вроде этого. Книги могу цитировать страницами, зато запомнить телефон не в состоянии.

– Мытарь же говорил: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику» И сказал Господь, что мытарь пошёл оправданным в дом свой, не то что фарисей. Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Автобус подкатил к моей остановке, распахнул двери.

– Не уподобляйся фарисею, – усмехнулась я напоследок. – А то Господь может и не простить.

Настроение оказалось испорчено окончательно. Нет, в Сеть не полезу. Чёрт с ней, с информацией, никуда не убежит. В душ, позавчерашний борщ, и спать.

Утром оказалось, что транспорт ходит кое-как. Проторчав на остановке четверть часа вместо привычных трёх-пяти минут, я чертыхнулась и потопала пешком. Автобус догнал на середине пути, пришлось пробежаться. Тем не менее, на работе я появилась за час до начала рабочего дня, ничуть не удивившись тому, что все оказались в сборе. Ясно же: работы выше крыши. ДТП, несчастные случаи, суициды, убийства... То, что раньше было чрезвычайным, за последние три дня превратилось в обыденность. Ничто не вернётся на круги своя, это очевидно, но о будущем думать не хотелось. Век расшатался, но скверней всего то, что рождённый его восстановить едва ли найдётся.

– Марья, – окликнул Вадим. – Вечером на кладбище едем. Ты в чём пришла – нужно домой завезти переодеться?

– Нет.

Джинсы, водолазка, кроссовки. Сойдёт. Белый халат быстро отучает модно одеваться – к чему, всё равно никто не увидит. Тем более, когда на работе каждый раз полностью меняешь верхнюю одежду на безликую и бесформенную.

– Лопаты есть? – поинтересовалась я.

– Есть. Вчера до ночи по городу мотались, искали – думали уже, не найдём. Ещё надо как-то кресты достать. Хотя бы самые простенькие. Памятники потом, когда земля осядет.

Да, ближе к осени памятники тоже станут страшным дефицитом. Как по мне, покойникам совершенно всё равно, лежать ли под простым деревянным крестом или под китчевыми ангелами, скорбно обнимающими каменную плиту с именем и портретом. Но живые умудряются меряться размерами, даже хороня мёртвых. Или пытаются искупить то, что не дали живым, не жалея последнего для умерших. Впрочем, мне легко судить, ни разу не теряя близких. В конце концов, всем нам есть в чём себя упрекнуть.

Я думала, шеф сегодня в зале не появится – наверняка у него бумажной работы больше, чем у нас всех. Тем не менее, пришёл, внешне невозмутимый, но осунувшийся и постаревший.

Впрочем, все мы выглядели неважно в последние дни, перед зеркалом лучше лишний раз не задерживаться.

– Коллеги, у меня две новости. Обе плохие, – заявил шеф, входя в зал. – Первая – у обоих входов стоят толпы с плакатами «Отдайте нам наших мёртвых». Пока не агрессивны, но настоятельно рекомендую поодиночке из здания не выходить.

И это всего лишь на третий день? Люди на пределе, это очевидно, иначе не творили бы такие глупости. Какой пикет может заставить корову доиться, а экспертов – работать быстрее человеческих возможностей?

– Вторая новость. Кузнецов пойман за руку при попытке вымогательства.

Кузнецов – наш новый санитар. Относительно новый, два месяца как оформился.

– С сегодняшнего дня он у нас не работает. У нас есть прайс на доп. услуги. Требовать денег за то, что входит в прямые обязанности, недопустимо.

Если шеф начинает говорить, как прожженный чинуша, – дело серьезное.

– Афанасьич, погорячился ты, – когда Михалыч появился из подсобки, никто не заметил. – Ну, облажался парень, многие бы на его месте не соблазнились? Уволишь – когда работу разгребём. Сейчас ты, что ли, гробы таскать будешь?

– Если надо – буду. Кузнецов у нас больше не работает, а на санитарское место очередь на пять поколений вперёд, – шеф сбавил тон. – Михалыч, не тебе объяснять, что всем нам придётся когда-нибудь забирать из морга близких. И никому из нас не понравится, если такой вот говнюк... Всему есть предел.

Не иначе, как за то, чтобы обмыть и уложить в гроб, деньги потребовал. На самом деле, всё не так просто: в законе написано «одетым, обмытым и в гробу», но не написано «бесплатно». А дальше всё зависит от воли руководства бюро. Где-то отдельная такса, где-то – должностные обязанности. Наш шеф считает, что незачем зарываться, всех денег не заработаешь. Те, кто с ним не согласен, в бюро надолго не задерживаются.

– Всё, коллеги. Больше новостей у меня нет. Работаем.

Трупы везли. Слишком много для одного, не самого большого, города. Так что работаем. Что там у нас... Автодорожная травма плюс аборт в ходу. Причина смерти очевидна, но этот аборт в ходу отнюдь не первый, что я видела за последние дни. А были ли нормальные?

– Коллеги, – подала голос я. – Много ли беременных попали к вам на исследование за последние три дня?

– Хватило, – откликнулся шеф.

– У меня складывается впечатление, что во всех случаях был как минимум начавшийся аборт. Если не в ходу, – я начала загибать пальцы, припоминая. – Да, так и есть. Все на ранних сроках и везде плодное яйцо, фактически отслоившееся.

– У меня были две на поздних сроках, – откликнулся Вадим. – Скоропостижные. Выглядела беременность без патологий, провести бы кесарево в первые минуты – может, и живых достали.

– И тут бы младенчикам и конец пришёл, – вмешался другой коллега. – Новорожденные ведь тоже все.

– Да кто его знает... Самопроизвольные аборт тоже были, но ты же знаешь, какой процент беременностей заканчивается выкидышем.

– Знаю, не срастаются у меня проценты.

– Мне тоже показалось, что многовато, – сказал шеф. – Но списал на свою мнительность. Хорошо, очевидно беременных, в том числе скоропостижных, обследуем особенно тщательно.

– Машка, я тебя убью, любопытная наша.

– Руки короткие, – отмахнулась я. – Уж тебе-то сам бог велел полюбопытствовать, тоже мне, научный работник. Докторскую, глядишь, напишешь.

– Да мне мать эту докторскую знаешь куда засунет? – простонал Вадим. – И так достала, что дома не появляюсь. Идея фикс у неё, что позавчерашнее повторится, и на этот раз я помру.

– Хватит, коллеги! Не так уж много у нас беременных, исследуем. Надо же разобраться, что за чертовщина происходит. И прекратите препираться, тоже мне, детский сад. Работаем до девяти вечера, там у всех свои дела. Пикетчики эти ещё, заняться им больше нечем...

Вечером пикетирующих около морга не оказалось. То ли устали, то ли милиция разогнала – интересоваться желания не было. Вадим посадил меня и ещё двух коллег, потерявших близких, в свою машину и повёз на кладбище. Шеф, как и обещал, с нами не напрашивался. Учитывая, что именно он каким-то чудом договорился с руководством кладбища, выбив и места для могил, и разрешение находиться на погосте в неурочное время, было бы странно требовать от пожилого человека ещё и помахать лопатой за компанию. Каждый должен делать то, что умеет лучше всего. Шеф умеет решать проблемы.

Кладбище было относительно молодым – полвека, не больше. Не росло здесь вековых деревьев, не стояло покосившихся замшелых плит с ятями и фитами, не рассказывали легенд о здешних обитателях. От входа расходились заасфальтированные дорожки, внутри чугунных оградок росли цветы и деревья, маленькая часовенка на площади у ворот, чуть подальше – сторожка. Чинно и благостно, особенно в сумерках. Для полной картины романтического вечера только соловьёв не хватало. И когда в лесу за кладбищенской оградой таки защебетал соловей, я только удовлетворённо кивнула. Вот теперь всё, как должно быть. А то напридумывают – призраки, упыри...

– Вот же, тут такое, а он заливаётся, – проворчал Вадим. – Как будто и не случилось ничего.

– И ни птица, ни ива слезы не прольёт... – процитировала я. – У них самый сезон.

Вадим постучал в двери домика, появившийся сторож окинул нас взглядом, задержавшись на мне.

– Пришли всё-таки. Я не поверил, когда сказали, что на ночь глядя подъедете.

– Днём работать надо, – сказал Вадим. – Покажешь, отец?

Конверт с деньгами перекочевал из рук в руки.

– Ну, пойдём. А ты, дочка, не боишься ночью, да на кладбище?

– Живых бояться надо, – я усмехнулась. – А мёртвые не кусаются.

Похоже, ему не сказали, кто мы. Подъедут, мол, четверо, покажи, где копать. Судебный медик, боящийся покойников, тем более давным-давно зарытых в землю, – смех, да и только. Впрочем, мне-то какое дело, не споткнуться бы в полумраке. Вадим молодец, прихватил фонарики. Лопата на плече, фонарь в руке – и никакие сумерки не страшны.

Идти пришлось долго. Закончилась старая, заросшая деревьями и заасфальтированная часть кладбища, потянулись могилы последнего года-двух. Там, где камень плит не закрывал землю, виднелись цветы: белые лепестки, казалось, светились в сумерках. Не припомню, чтобы такие росли в нашей полосе, – новомодный культурный сорт? Одно время, помнится, на могилах было модно высаживать тюльпаны, потом ландыши, потом ползучие многолетники, забыла, как их. Теперь, видимо, ещё одно веяние.

А потом вокруг оказались совсем свежие могилы, и глазеть по сторонам расхотелось. Велика радость смотреть на бесконечные ряды не осевших холмиков и кое-как воткнутых в землю крестов, нескончаемое поле, размеченное на ровные прямоугольники натянутыми между колышками верёвками, и разверстые ямы могил. И всё те же белые лепестки, перекопанные, смешанные с кладбищенской землёй. Видимо, всё же дикорастущие. Странно.

– Вот здесь, – сказал сторож. – Раз, два, три, четыре. Сейчас на всякий номера с фамилиями сверю, – он посветил на потрёпанные листки, бормоча под нос. – Да, всё правильно. Уходить будете, место пометьте как-нибудь, чтобы по свету найти, а то вон что творится, сам путаюсь.

– Спасибо, отец, – сказал Вадим.

– Ну, бывайте. И это... сторожить бы кого оставили. А то ушлый народ уже догадался своих покойников в чужие могилы подхоронить.

– Это как?

– Да как, так же, как вы, ночью приезжают, только втихушку, со стороны леса или через поле, находят яму свежую, чуток подкапывают, покойника землёй присыпают, и всё. Без гроба даже. Не по-людски совсем, – он сплюнул. – Экономят, вишь. Так что оставьте кого сторожить.

– Понятно. Спасибо тебе.

– Бывайте, – сторож махнул рукой и побрёл прочь.

– Ну что, двое работают, двое светят, меняемся по часам?

– А как ещё? Хорошо, что не зима.

– Да, хорошо. Марья, держи фонарик, – скомандовал Вадим. – Поехали.

Мы сменились. Потом ещё раз. И ещё.

– Не успеем, – сказал Вадим, выбравшись из уже готовой ямы. – Полночь, два часа на одну могилу, а ещё хорошо бы поспать перед рабочим днём хотя бы часа три.

– Сегодня две, завтра ещё две, – предложила я, протягивая ему пачку влажных салфеток, вытереть руки.

– Да. По-другому не выйдет. Тогда завтра вы, – кивок в сторону устроившихся у подножья свеженасыпанного холма коллег, – своих забираете завтра и хороните, чтобы на работу смогли послезавтра спокойно выйти. А вечером снова сюда вчетвером приедем. Для шефа и Машиной подруги выкопаем.

– Для внучки шефа и сына моей подруги, – поправила я, роясь в пакете с едой, купленной по дороге. Я не суеверна, и всё же в таких вещах лучше выражаться точно.

– Да, знатно оговорился, – согласился Вадим.

По копчёному окорочку и литру колы на нос. О том, что надо бы взять что-то перекусить, вспомнили уже на окраине города, пришлось покупать то, что нашлось в круглосуточном магазинчике, – что-то, не требующее даже минимальной готовки, плюс источник кофеина с глюкозой. Без кофеина нынче никак. О том, что неплохо бы прихватить нитяные перчатки, не вспомнили вообще, руки сотрём, как пить дать. Несколько полосок бактерицидного пластыря из моей сумочки на всех не хватит. Завтра надо успеть раздобыть перчатки. Михалыча, что ли, спросить – у него, как в Греции, всё есть.

– По домам развезёшь или снова ночевать на работе будем? – поинтересовалась я.

– По домам, наверное. Дороги пустые, за полчаса вас раскидаю. В своей постели всё же удобней, чем на парте.

Это точно. Интересно, дома есть что-то съедобное? Ив, кажется, по телефону говорил, что собирается сегодня дома ночевать, борщ доест, а не доест – завтра выливать придётся. Макароны где-то были и крупы... ладно, утром разберусь.

– Хорошего помаленьку, – я поднялась, подхватывая лопату. Раньше сядем – раньше выйдем. Вадим, свети.

Ива дома не оказалось. Господи, они там у себя друг у друга на головах, что ли, спят, в ординаторской – один диванчик, а палаты переполнены. Или по расписанию? Сил добраться до душа ещё хватило. На то, чтобы проверить, есть ли что съедобное на завтра, – уже нет. Ну и чёрт с ним. Утро вечера мудренее.

Может, оно и в самом деле мудренее, когда выспишься по-человечески. А после трёх часов сна – едва ли. Я всегда искренне завидовала людям, способным месяцами спать по четыре-пять часов и при этом не смахивать на свежеподнятого зомби. Хорошо хоть, холодильник работает, как положено: несчастный борщ, хоть и доживающий последние дни, есть ещё можно. Уже традиционно прошла пешком половину дороги, традиционно же пробежалась за

подошедшим автобусом – зато проснулась и на работе появилась более-менее похожей на человека.

У выхода стояли вчерашние пикетчики, вот людям не спится. Действительно с плакатами. Завидев, как я подхожу ко входу, оживились, подняли раскрашенные простыни повыше и даже попытались что-то скандировать. Вышло не очень, пионерские речёвки – и то слаженней. Я открыла кодовый замок, показала им средний палец – не надо бы, но устала, и настроение ни к чёрту. Калитка хлопнула за спиной, отгородив меня от справедливого возмущения общественности. Как всё-таки хорошо, что я не работаю с людьми.

– Вадим, доброе утро, – сказала я, выходя из раздевалки. – Не знаешь, давно эти ненормальные с простынями стоят?

– Шеф умер.

– Не смешно.

– Шеф умер, – повторил Вадим. – Ночью. Я когда вас развёз, решил домой не ехать, чтобы мать лишний раз мозги не компостировала. Поднялся на кафедру, у шефа свет горел, думаю, дай зайду. А он лицом на столе лежит. Окоченевший. Трупные пятна в состоянии гипостаза.

– Три-четыре часа, значит, – машинально откликнулась я. – Впрочем, надо температуру посмотреть... Что ж он никого не позвал?

– Четыре часа, если быть точным. Кто теперь скажет, чего он не позвал... Были в это время наши, но внизу. Может, не докричался. На вскрытии – острый инфаркт миокарда, признаки кардиогенного шока.

– Кто исследовал? – поинтересовалась я. – Со стороны, что ли, позвал?

– Я и исследовал.

– Я бы не смогла.

– Эх, Машка... Зелёная ты ещё совсем, оказывается. То, что на столе, – это уже просто биологический объект.

Как говорит... говорил шеф, всему есть предел. Я не стану вскрывать человека, с которым проработала столько лет и который был скорее другом, нежели начальником. Точно так же, как ни один хирург не возьмётся оперировать друга или родственника, если речь не идёт о чем-то сложнее панариция. Хотя по большому счёту лично мне наплевать, что станет с телом после того, как умру, – а всё равно не буду.

– Жене его позвонил, сказал, что умер, – продолжал Вадим. – Договорились, что завтра его вместе с внучкой отсюда заберём, чтобы домой не отдавать. И в одну могилу, разрешение пробыю... я ж теперь вроде как и. о.

– Понятно.

– Кстати, у него на сердце один рубец уже был.

– Ничего себе...

– Я тоже не знал. Такие вот дела.

– Со всем остальным как?

– Всё так же. Везут. Договорённости на вечер в силе, как и всё остальное.

Пока это самое важное. Что будет важным потом, доживём – увидим. Если доживём, конечно. Происходящее давно вышло за рамки обыденности, а значит, привычные оценки потеряли смысл. Остается руководствоваться только целесообразностью, всё остальное побоку. Когда вся эта чертовщина закончится, можно будет собрать информацию и сделать выводы. Если не засекретят к чёртовой матери. Сейчас, конечно, не такие параноики, как в тридцатых, когда засекречено было даже количество произведённых в стране презервативов, но откровенно странных решений тоже хватает. Открыто смертность по позавчерашнему дню до сих пор не дали, хотя это вполне объяснимо: за три дня такую статистику не собрать. А вот то, что до сих пор теле-и радиоканалы утверждают, будто ничего сверхъестественного не произошло, обычная вспышка гриппа, – куда хуже. Цензура, как она есть. Даже странно, когда появился

«свиной» штамм, СМИ активно нагнетали истерию, хотя достаточно было сравнить смертность по старым сезонным штаммам и новому, чтобы понять, что истерить незачем. А сейчас все активно делают вид, что ничего не происходит. Разве что в блогах может быть шумно, но добраться до Сети и вдумчиво изучить, что творится в социальных сетях, не было времени. Я бы и про официальные версии не знала, если бы в секционном зале не стояло радио, которое вместо обычных музыкальных каналов настроили на новостные – надо же знать, что делается за стенами бюро. А как тут узнаешь, если домой добираться только для того, чтобы рухнуть в кровать, – и то не каждый день?

Кладбищенский сторож оказался тем же – две ночи через две, удачно вышло. Снова вызвался проводить, видимо, не зря вчера денег оставили. Я шла, внимательно отмечая ориентиры, – завтра при свете дня не заблудиться бы. Смех, да и только: ночью заблудиться не боюсь, а вот днём... Хотя чёрт его знает, как завтра днём машина подъедет, оставить у ямы, что ли, ориентир какой?

– Вот, – сказал сторож. – Это ваши вчерашние, сегодня похоронили.

– Знаем, – кивнул коллега. – Сами сегодня и хоронили.

– Ну, тем более, раз знаете. Бывайте.

Ещё две могилы. Одна – на двоих. В то, что теперь придётся работать без шефа, не верилось никак. Может, завтра поверю. А пока можно махать лопатой и не спрашивать себя, почему нет ни слёз, ни скорби. Нет сил на слёзы. Вообще на эмоции сил нет. Та крайняя степень усталости, когда сам себе напоминаешь старого заржавевшего робота с севшей батареей. Может, потом эмоции вернутся, когда всё кончится. Но с каждым днём мне все меньше и меньше верится в то, что это кончится. Нормально. Это просто усталость. Это пройдёт. Напиться бы...

– Всё, – сказал Вадим. – По домам?

Я глянула на часы, подсвечивая фонариком циферблат:

– Меня на работу. Пока туда-сюда... проще не ложиться. Тем более, что завтра полдня на похороны угробим.

О господи, завтра ещё придётся держать под руку Аню и изображать скорбь, чтобы не услышать очередное обвинение в бесчувственности. Как объяснить безутешной матери, которой кажется, что весь мир должен проливать слёзы вместе с ней, что дело не в равнодушии? Похоже, подругу я потеряю. Когда-то мы, две деревенские девчонки, сошлись на том, что чувствовали себя чужими в городе, и надо было к кому-то приткнуться. Теперь, кажется, всё. Шеф умер, подруга отдаляется всё стремительней, муж... кто ещё? Эти, слава богу, живы – и пусть живут. Кто-то же должен быть живым в этом трахнутом мире? А я буду роботом. Роботам не больно, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.